

С Е Р И Я
П О Л И Т И Ч Е С К А Я
Т Е О Р И Я

ОТ ИМПЕРИЙ — К ИМПЕРИАЛИЗМУ

*Государство
и возникновение
буржуазной
цивилизации*

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ

*Издательский дом
Государственного университета — Высшей школы экономики*
МОСКВА, 2010

УДК 321.01
ББК 66.0
К12

Рукопись подготовлена в рамках грантовой программы
Центра политической теории
Института общественного проектирования

Составитель серии
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ

Дизайн серии
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ

Рецензент
доктор филологических наук, профессор
ЕЛЕНА ПЕНСКАЯ

- Кагарлицкий, Б. Ю.**
К12 От империй — к империализму. Государство и возникновение буржуазной цивилизации [Текст] / Гос. ун-т — Высшая школа экономики. — М.: Изд. дом Гос. ун-та — Высшей школы экономики, 2010. — 680 с. — (Политическая теория). — 1000 экз. — ISBN 978-5-7598-0761-2 (в пер.).

Книга историка и социолога Бориса Кагарлицкого посвящена становлению современного государства и его роли в формировании капитализма. Анализируя развитие ведущих европейских империй и Соединенных Штатов Америки, автор показывает, насколько далек от истины миф о стихийном возникновении рыночной экономики и правительстве, как факторе, сдерживающем частную инициативу. На протяжении столетий государственная власть всей своей мощью осуществляла «принуждение к рынку».

В книге использован широкий спектр источников, включая английские и американские периодические издания XVIII и XIX века. Предназначена как для специалистов в области истории и социологии, так и для широкого круга читателей.

УДК 321.01
ББК 66.0

ISBN 978-5-7598-0761-2

© Кагарлицкий Б.Ю., 2010
© Оформление. Издательский дом
Государственного университета —
Высшей школы экономики, 2010

СОДЕРЖАНИЕ

ОТ АВТОРА	6
ВВЕДЕНИЕ	9
I. МИРЫ-ИМПЕРИИ	27
II. КРИЗИС И РЕВОЛЮЦИЯ В СРЕДНЕВЕКОВОЙ ЕВРОПЕ	80
III. РЕФОРМАЦИЯ И ЭКСПАНСИЯ	184
IV. КРИЗИС XVII ВЕКА	288
V. ВОЗНИКНОВЕНИЕ ГЕГЕМОНИИ	380
VI. ОТКРЫТИЕ «ЗАПАДА»	434
VII. ЭПОХА ВОЙН И РЕВОЛЮЦИЙ	482
VIII. БУРЖУАЗНАЯ ИМПЕРИЯ	521
IX. ИМПЕРИАЛИЗМ	554
X. КРИЗИС ГЕГЕМОНИИ	583
XI. СМЕНА ГЕГЕМОНА	611
XII. ИМПЕРИАЛИЗМ БЕЗ ИМПЕРИИ: США	640
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	674

ВВЕДЕНИЕ

Тема «империи» всегда занимала историков. Одни выполняли заказ власти и прославляли подвиги великих завоевателей, доказывали нерушимость государственных границ и расписывали на разные лады лояльность и благодарность подданных — представителей разноязыких народов, объединенных под скипетром одной династии, одним флагом, одной идеологией или религией. Другие разоблачали несправедливость и угнетение, пытаясь восстановить подлинную историю с позиций побежденных и покоренных. Более или менее успешно это удавалась, однако, лишь тем народам, которые выжили, сохранили свою культуру и социальную общность, а зачастую и развили их под властью империи. Парадоксальным образом, наиболее подробные повествования об имперском угнетении оставили идеологи именно тех народов, что были сравнительно менее угнетены. Националистическая традиция в Ирландии и Индии, в находившихся под властью Габсбургов странах Восточной Европы или захваченных Россией странах Прибалтики составила богатый список претензий к империям. О завоевании Африки европейцами и рабстве негров мы знаем в основном по чистосердечным признаниям и архивам самих угнетателей. А от многих народов не осталось даже и перечня претензий. Жаловаться некому — они исчезли с лица планеты.

Народы, которым посчастливилось получить свое «национальное» государство, приобрели вместе с ним и собственную «национальную» историю, обслуживающую его интересы так же, как прежняя история обслуживала интересы империи. В свое время Ленин призывал делать различие между национализмом господствующего и угнетенного народа, но в сфере истории доверять антиимперскому национализму надо не более, чем имперскому. Ведь в основе его лежит потребность обосновать исключительные права своей нации или государства, ссылаясь на прошлое угнетение. Наиболее ярким примером подобного подхода во второй половине XX века стал сионизм: в рамках этой идеологии трагическая повесть о погромах, антисемитских издевательствах над евреями и в конце концов ужасающая история Холокоста оказываются не более, чем аргументами, с помощью которых объясняется, почему израильское государство может позволить себе не считаться ни с международным правом, ни с интересами арабского населения Палестины. Аналогичным образом работает в политике Балтийских стран повесть о завоевании и оккупации этих государств Российской империей и Советским Союзом, превращающаяся в непрерывное идеологическое самооправдание новых национальных элит.

Для истории как науки нет разницы между мифами, порождаемыми тем или иным национализмом, ибо строятся они на одном и том же

основании. В этих мифах политический и идеологический итог развития опрокидывается в прошлое, события интерпретируются в соответствии с логикой государственного интереса, даже если самого государства на момент описываемых событий не существовало. Любое восстание отныне представляется нам как борьба за национальные права, хотя порой его причины не имели к этому никакого отношения, любой конфликт между местными элитами и имперской столицей объясняется противоборством культур и дискриминацией.

К концу XX века суждение о том, что «век империй ушел в прошлое», сделалось общим местом. Великие монархии остались в учебниках истории, колониальные державы прекратили свое существование, а распад Советского Союза в 1991 году воспринимался либеральным общественным мнением как «неизбежное крушение последней империи». Карта мира запестрела многоцветьем национальных государств, которые энергично занимались обустройством своих границ, укреплением таможен и внимательно следили за тем, чтобы их новые граждане ни в коем случае не проявляли симпатий к своим соседям-иностранцам, в недавнем прошлом — подданным одной и той же имперской державы.

Одновременно теоретики глобализации бодро доказывали, что не только империи, но и национальное государство есть архаический атрибут уходящей эпохи, которому в ближайшее время предстоит уступить место какому-то новому порядку, когда власть государственных чиновников будет заменена «естественными законами рынка» и решениями правлений крупнейших корпораций.

Однако в начале XXI века тема «Империи» неожиданно снова вошла в моду. Националистические идеологи в России пролили море слез, извели тонны бумаги и потратили бесчисленное количество электроэнергии, распространяя свои ностальгические рассказы о великом имперском прошлом (и, предположительно, совершенно неотличимым от него будущем). В Британии начали выходить одна за другой книги, объясняющие читателю, что нет необходимости стыдиться прежней колониальной империи¹. Как выразился один из историков, политика империи положила начало глобализации, объединив мир, и никто кроме британских джентльменов не мог бы это сделать «так быстро, эффективно,

¹ В качестве примеров неоимперской апологетики на английском языке можно привести книгу: *N. Ferguson. Empire: How Britain Made the Modern World. London: Allen Lane, 2003.* См. также: *V. Davis Hanson. Why the West Has Won: Carnage and Culture from Salamis to Vietnam. London: Faber, 2001.* Что касается российской ностальгической литературы на тему империи, то указывать какие-либо особенно значимые книги не представляется возможным. Во-первых, из-за чрезвычайной многочисленности подобных произведений, а во-вторых, из-за их неизменно позорно-низкого академического уровня.

элегантно и гуманно»². Изменяя мир, «Британская империя выступала в качестве силы, навязывающей свободные рынки (an agency for imposing free markets) и верховенство закона, защищающей инвесторов и установившей относительно некорруптированное правительство примерно на четверти территории земли. Империя также всеми силами поддерживала аналогичные тенденции за пределами своей территории, пользуясь своим экономическим влиянием — это был “империализм свободной торговли”. В конце концов надо признать, что империя содействовала росту глобального благосостояния, в общем, она делала хорошее дело (was a Good Thing)»³.

В качестве примера поучительной «фрейдовской оговорки» следует заметить, что автор этого пассажа, Найл Фергюсон (Niall Ferguson), ни разу не упоминает демократию или права человека — возможно, поскольку интеллектуальная честность не позволяет ему представить империю в качестве носителя этих ценностей, а может быть потому, что, говоря про действительно важные вещи вроде свободных рынков и защиты интересов инвесторов, он просто забыл про подобные мелочи. Однако аргументацию Фергюсона, сколь бы скандальной она ни казалась с точки зрения левой идеологии, невозможно с ходу отбросить хотя бы потому, что даже столь непримиримый критик капитализма, как Маркс, признавал, что распространение по планете буржуазного порядка было частью прогресса человечества.

Приняв у Британии эстафету в качестве лидера капиталистического мира, правящие круги Соединенных Штатов на первых порах отказывались признавать Америку империей. Однако к началу XXI века их риторика изменилась. Они уже открыто обсуждали уроки Древнего Рима и новую роль американской державы в качестве его законной наследницы — в глобальном масштабе. А на левом фланге с не меньшим энтузиазмом строили свои теории модные мыслители Майкл Хардт и Тони Негри, описывающие некую утопическо-фантастическую Империю, вездесущую, всепроникающую и всеобъемлющую, но почему-то совершенно невидимую⁴. Эта Империя (непрерменно с большой буквы) была, по их словам, уже полноценной и тотальной реальностью, но в то же время находилась еще в стадии зарождения и становления.

В основе всех этих мыслительных конструкций были не столько анализ или знание, сколько ощущение, социальная интуиция, говорившая, что век империй далеко не закончен. Однако имперское начало явно ре-

² A. Herman. To Rule the Waves. How the British Navy Shaped the Modern World. London: Hodder & Stoughton, 2004, p. xvii.

³ N. Ferguson. Op. cit. 2003, p. xx.

⁴ См.: М. Хардт, А. Негри. Империя. М.: Праксис, 2004.

ализовывалось не в форме монархического государства, добивающегося лояльности подданных к представителю правящей династии, а в какой-то другой форме, ускользавшей от понимания авторов. Чем хуже они понимали происходящее, чем менее ясными для них были очевидные вещи, тем более мистическим, а потому и привлекательным выступал образ Империи.

Если в середине XX века критика империализма в значительной мере сводилась к перечню всевозможных эксцессов и моральному осуждению, то в начале следующего столетия обязательное упоминание о колониальных преступлениях превратилось в своего рода алиби для консервативных историков, которые, посетовав на эту жестокость, переходили к рассуждениям о цивилизаторской роли империй. Между тем приходится признать, что на протяжении истории всевозможные преступления и жестокости случались постоянно — во имя империй и во имя национального освобождения, во имя революций и во имя контрреволюций. Задача исследователя состоит не в том, чтобы сетовать по этому поводу или, наоборот, оправдывать произошедшее, а в том, чтобы понять сложный исторический механизм, лежащий в основе описываемой драмы.

Между тем в социально-исторических процессах не было не только никакой мистики, но и особой загадки. Природа происходящего была хорошо понята уже марксистскими теоретиками начала XX века, прежде всего В.И. Лениным и Розой Люксембург. Надо было только немного отвлечься от политической мишуры и не попадаться в примитивные ловушки официальной идеологии, чтобы увидеть экономическую и социальную логику процесса. Империя — государственная форма, созданная Древним Миром, оказалась востребована капитализмом. Причем капитализмом глобальным.

На протяжении долгого времени происхождение капитализма не вызвало больших вопросов. Для Маркса, как и для других авторов второй половины XIX века, не было никакой загадки в том, что Западная Европа подчинила себе Индию и Китай, заставив страны Азии идти в фарватере формируемой ими новой мировой экономики. Производительные силы Запада были значительно более развиты, в силу чего именно там сложились более передовые производственные отношения и, как результат, более динамичное, более эффективное общество.

Картина совершенно изменилась, когда историкам стало ясно, насколько в XV–XVI веках страны Востока опережали Западную Европу по уровню экономического развития. В то же время, заставив нас отказаться от политэкономии XIX века, подобные исследования не дали нам нового объяснения описываемых процессов. Вернее, объяснения эти выглядели крайне неубедительными и поверхностными (начиная от предположения о превосходстве уникальной культуры Запада до совсем уже отчаянного

вывода позднего Андре Гундер Франка, что Западу просто повезло, когда Колумб случайно открыл Америку). Парадоксальным образом, хотя новое знание об экономическом развитии Востока стало результатом исследований целого ряда левых авторов, стремившихся поставить под вопрос империалистическую идеологию европоцентризма, оно нанесло мощнейший удар по марксистским историко-экономическим теориям, способствуя распространению своеобразного культурного расизма, отстаивающего превосходство западных ценностей. Однако если дело исключительно в культуре, то откуда происходит сама культура?

Продолжавшаяся в течение полутора десятилетий дискуссия выявила, что даже при всех своих (ставших теперь очевидными) недостатках исходная теория Маркса в научном отношении более обоснована и более логична, чем все концепции, которые призваны были прийти ей на смену. Возникает, казалось бы, неразрешимое противоречие: теория Маркса опирается на ряд явно неверных посылок, и следовательно «фактически» не верна, но все остальные теории еще более ошибочны!

Единственно возможный ответ состоит в том, что теория Маркса все же верна, но не полна. Иными словами, существует некое недостающее звено, которое не было в полной мере проанализировано автором «Капитала», в силу чего и обнаружились нестыковки в его исторической схеме. Таким недостающим звеном, скорее всего, является институциональная роль государства.

«Вплоть до промышленной революции XIX в., — считает Фернан Бродель, — до момента, когда капитализм присвоит себе индустриальное производство, возведенное в ранг источника крупных прибылей, он чувствовал себя как дома по преимуществу в сфере обращения, даже если при случае он не отказывался совершать нечто большее, нежели простые набег, в иные сферы»¹.

С характерной для него интеллектуальной осторожностью Бродель в данной цитате оставляет себе пути к отступлению, признавая, что далеко не все развитие капитализма сводилось к торговле, но именно в этой сфере оно происходило в наиболее чистом виде, именно здесь буржуазные отношения господствовали полностью и безраздельно. При более внимательном рассмотрении обнаруживается, что проникновение капитала в сферу производства начинается задолго до индустриальной революции, причем речь идет не только о городских мануфактурах, но и о сельском хозяйстве Западной Европы. Однако не подлежит сомнению, что торговый капитал рос быстрее, активнее и обретал политическое влияние раньше, нежели капитал, формировавшийся в сфере промышленного производства.

¹ Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв., т. 2. М.: Весь мир, 2006, с. 230.

Американский социолог Чарльз Тилли куда более категоричен. Ни появление капитала, ни использование наемного труда сами по себе еще не создают буржуазной системы. Формируется лишь определенный хозяйственный уклад, развивающийся и функционирующий в обществе, живущем в целом по совершенно иным правилам. В свою очередь, торговый капитал отнюдь не стремится соединиться с наемным трудом в производственной деятельности. Это соединение в массовом масштабе происходит в Западной Европе лишь к концу XVII века под непосредственным воздействием государства. До этого собственники капитала «тысячелетиями процветали без прямого вмешательства в производство, — констатирует Тилли. — Капитализм как система появился на поздних этапах развития капитала»².

Целью капиталистической экономики является накопление капитала, средством — эксплуатация свободного наемного труда. Однако накопление капитала может осуществляться и другими средствами. Исторически ни торговый, ни финансовый капитал не нуждались в наемном труде в качестве обязательного условия своего существования либо нуждались в нем лишь в ограниченной степени (используя труд приказчиков, моряков и клерков). В любом случае, они вполне могли осуществлять накопление капитала, опираясь на производство, построенное совершенно не по буржуазному принципу.

Иное дело — промышленный (или в более широком смысле — производственный) капитал, который собственно и воплощает буржуазный способ производства. Великий русский историк Михаил Покровский рассматривал эволюцию буржуазной системы с точки зрения взаимодействия и борьбы торгового капитала с промышленным, демонстрируя, что именно торговый капитал, а вовсе не ушедший в прошлое феодализм, был ключевым элементом «Старого режима» в России. Однако только ли в России?

Если распространить концепцию Покровского на Западную Европу и колониальный мир Нового времени, многие загадки и проблемы найдут свое разрешение.

Подчеркивая значение наемного труда как основы буржуазных производственных отношений, Маркс в «Капитале» одновременно указывал: «Товарное обращение есть исходный пункт капитала. Историческими предпосылками возникновения капитала являются товарное производство и развитое товарное обращение, торговля. Мировая торговля и мировой рынок открывают в XVI столетии новую историю капитала»³.

² Ч. Тилли. Принуждение, капитал и европейские государства. 990–1992. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2009, с. 43 (англ. изд.: *Ch. Tilly. Coercion, Capital and European States AD 990–1992. Malden, MA: Blackwell Publishers, 1990, p. 17*).

³ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, изд. 2-е, т. 23 с. 157.

Таким образом, капитал (как и рыночная экономика) не только существует еще задолго до капитализма, развиваясь и укрепляясь прежде всего в торговле, но и опирается на производство, отнюдь еще не организованное по новым буржуазным принципам. Крестьянин и ремесленник подвергаются экспроприации, утрачивают свое мелкое хозяйство, превращаясь в наемных рабочих. Однако это происходит не сразу и уже после того, как буржуазия сумела добиться экономического и политического влияния. Иными словами, капитал сперва возникает вне производства, потом подчиняет себе производство, а затем уже в массовом порядке создает собственное производство, основанное на использовании наемного труда.

Да и сами буржуа далеко не сразу становятся капиталистами в том смысле, какой это слово приобретает к концу XIX века. До начала индустриальной революции накопление капитала происходит в значительной мере и преимущественно вне сферы производства. Более того, как свидетельствует сам Маркс в «Капитале», первоначальное накопление вообще имеет мало общего с производством. В сфере торговли (часто сопровождающейся войной и грабежом) сделать большие деньги даже в XVI веке, не говоря уже о XIV–XV столетиях, было гораздо легче, нежели вкладывая средства в изготовление ремесленных изделий. Некоторые мануфактуры уже в XIV–XV веках становятся крупными процветающими предприятиями. Но все равно капиталы купцов и владельцев промышленных мастерских несопоставимы. Торговля требует значительно больших инвестиций, но дает сверхвысокие прибыли (в противном случае дальние морские плавания и сухопутные торговые караваны были бы просто невозможны). Подобное положение дел вызвано не только возможностью получения сверхприбылей от продажи экзотических и остро необходимых товаров или предметов роскоши, но и самой природой торгового капитализма. Как отметил Покровский, накопление торгового капитала было тесно связано как раз с сохранением старых докапиталистических, феодальных и даже еще более примитивных способов производства. В сложившейся системе все издержки оставались (и абсорбировались) в рамках докапиталистического сектора, тогда как прибыли концентрировались в руках торговой буржуазии.

Однако о торжестве капитализма всерьез можно говорить только тогда, когда капиталистические принципы массово утверждаются именно в *производстве*, и вследствие этого общественное разделение труда, структура общества становятся вполне буржуазными.

Сторонники ортодоксальной интерпретации марксизма рассматривали торговлю лишь как форму организации обмена, тем самым лишая ее системообразующей функции в экономике. Между тем торговля, как неоднократно отмечал Иммануил Валлерстайн, может иметь разную

экономическую функцию. В одном случае мы имеем дело с обменом излишками между странами и регионами. Этот обмен, способствуя развитию экономики, товарно-денежных отношений и, позднее, накоплению капитала, не меняет радикальным образом социальную систему и способ производства. Однако совсем другой характер принимает торговля, если через нее реализуется международное и межрегиональное разделение труда. Это не просто новый тип миросистемных связей, приходящих на смену прежнему обмену излишками. Меняется функция торговли, она непосредственно подчиняет себе производство и диктует не только то, что будет изготовлено, но зачастую и как, каким способом этот товар будет произведен. Как заметил американский марксист Пол Суизи (Paul Sweezy), «международная торговля нередко становилась создающей силой, благодаря которой наряду с привычным феодальным производством, ориентированным на собственное потребление, складывалась новая *система* производства товаров, изначально предназначенных для рыночного обмена»⁴.

Буржуазная мировая торговля с самого момента своего возникновения выступала не только как фактор накопления капитала, но и как фактор организации производства. Буржуазия создавала плантации для африканского кофе в Америке, превращала китайский чай в важнейший продукт сельского хозяйства Индии, а сахарный тростник — в основу развития Карибских островов. Все это — ради поставок на европейские рынки. Распространение рабского труда на плантациях Виргинии и торжество свободного найма на промышленных предприятиях Англии были тесно связаны между собой, и связь эта осуществлялась именно через торговое посредничество. Иными словами, буржуазный способ производства (вернее его глобальное торжество) был бы невозможен без капиталистической торговли. Но возможна ли организованная международная торговля без защищающего, организующего и поддерживающего ее государства?

Значение торговли и связанных с ней конфликтов в XVI–XVII веках настолько велико, что возникает вопрос: почему уже к концу XVII века торговый капитал в возрастающей степени начинает на Западе инвестироваться в производство, а торговля на дальние расстояния из инструмента накопления становится инструментом перераспределения — от патриархальной экономики «периферии» к основанной на свободном труде экономике «центра». Несвободный труд на «периферии» служит уже не только обогащению торговой буржуазии, но и субсидирует использование свободного труда в Европе и протестантских колониях Северной Америки.

⁴ The Transition From Feudalism to Capitalism. Ed. by R. Hilton. London: Verso, 1978, p. 42.

Советские историки, поставившие в качестве рубежа Нового времени не Великие географические открытия и Реформацию, а Английскую буржуазную революцию, были правы в том смысле, что именно с конца XVII века начинает постепенно меняться характер экономического развития, причем не только в плане вытеснения капитализмом добуржуазных форм общественной организации на Западе, но и внутри самого формирующегося капитализма. Однако этот процесс развивается медленно и болезненно, завершаясь лишь в эпоху индустриальной революции. И только начиная с этого момента можно говорить и о возникновении Британской империи как полноценного и эффективного гегемона в миросистеме.

С определенного момента меняется логика поведения самой буржуазии, которая от накопления богатства переходит к накоплению капитала, подчиняя свою хозяйственную деятельность инвестиционному циклу. Здесь сыграли немалую роль и знаменитая протестантская этика, воспетая Максом Вебером, и потребности нового городского производства, которые, в отличие от сельского хозяйства и традиционной торговли, уже не были связаны с природными циклами⁵. Воспроизводство промышленности зависит от размеров и эффективности инвестиций, а не от смены времен года. И чем больше масштабы промышленного производства, тем больше значение инвестиционного цикла.

И все же, каким образом перелом XVII–XVIII веков определил новый вектор развития? Ни качественно новых технологий, ни новой организации труда мы не увидим еще достаточно долго, вплоть до массового внедрения паровой машины. Зато постепенно формируется на глобальном уровне разделение труда между «центром» и «периферией». Это разделение Иммануил Валлерстайн обнаруживает уже в XVI–XVII веках, когда ресурсы заморских стран потекли на Запад, стимулируя там развитие новых общественных и производственных отношений. Однако если ранняя буржуазная экономика XVI века подчинена логике накопления торгового капитала, то к XVIII веку мы наблюдаем, как на Западе постепенно выходит на передний план промышленный капитал, тогда как в странах «периферии» продолжается и даже укрепляется господство торгового капитала.

Изучая историю капитализма, легко обнаружить, что периоды, когда преобладала политика свободной торговли, неизменно и регулярно сме-

⁵ В древней и средневековой торговле природные циклы играли большую роль. Во-первых, потребность в определенном товаре возникала в определенное время в зависимости от логики сельского хозяйства. Во-вторых, морская и речная навигация на Севере Европы была связана с погодными условиями, а регулярное дорожное сообщение по суше было крайне ненадежным до середины XIII века. Крупные ярмарки в Шампани и других местах тоже были приурочены к сельскохозяйственным циклам.

нялись периодами активного государственного вмешательства и правительственного регулирования. На уровне идеологии это может быть манчестерское фритредерство и французский меркантилизм, кейнсианство и неолиберализм, но так или иначе повторяющаяся смена данных двух тенденций характеризует всю историю буржуазной экономики. Господствующие с конца XVIII века либеральные идеологии разумеется, представляют дело как столкновение «естественных рыночных законов» со всевозможными «помехами», которые чинит им государство и не осознающее собственного блага общество. Но само повторяющееся возникновение этих «помех» и хозяйственные успехи, достигнутые в соответствующие периоды, свидетельствуют о том, что государственное вмешательство для капитализма есть нечто не менее органичное и необходимое, чем частная собственность и рынок.

Легко заметить, что чередование этих фаз соответствует и меняющемуся соотношению сил между разными формами существования капитала: торгово-финансовый «мобильный» капитал (по выражению Макса Вебера) доминирует в эпохи свободного рынка, тогда как промышленный капитал добивается наибольших успехов в периоды, когда экономическая роль государства сознательно или вынужденно активизируется. Разумеется, в данном случае речь идет лишь об общих тенденциях, которые очень редко получают выражение в чистом виде, тем более что порой правительства оказывались обречены повышать свою экономическую роль вопреки собственной идеологии, а иногда, наоборот, не отказываясь от стремления к регулированию, сворачивали его на практике, уступая давлению господствующих групп бизнеса. Так, английское правительство, неизменно придерживавшееся начиная с середины XVIII века и вплоть до Великой депрессии XX века принципов свободной торговли, на практике нередко активно стимулировало промышленное развитие — из-за военной или политической необходимости.

Проблема в том, что политика свободного рынка предполагает порой не меньшую, а часто даже большую государственную активность, нежели периоды, когда правительства регулируют экономику. Другое дело, что эта активность выражается в иных формах, часто приобретая характер военной агрессии или социальных репрессий. Даже если правительству отводится исключительно роль «ночного сторожа», следует помнить, что этот сторож должен постоянно бодрствовать.

Как заметил консервативный британский историк Н. Фергюсон, свободная торговля требует «соответствующего политического оформления, без которого она не будет работать»⁶. Иными словами, существование империи-гегемона оказывалось необходимым условием функционирования мирового рынка, во всяком случае — важным фактором его стабилизации. Однако мировой рынок всегда сосуществовал

⁶ N. Ferguson. Op. cit., p. xix.

с локальными рынками, развитие которых далеко не всегда и не во всем совпадало с глобальными тенденциями. Эти противоречия, с одной стороны, составляли главную проблему, с которой сталкивалась любая глобальная гегемония и вообще любая мировая империя, а с другой стороны, их разрешение оказывалось важнейшей задачей этой гегемонии, задачей, ради которой, собственно, гегемония и была необходима.

По мнению Иммануила Валлерстайна, именно с возникновением капитализма многочисленные самостоятельные миры-экономики и миры-империи объединяются в целостную мироэкономику, которая постепенно охватывает всю планету. Новый экономический порядок, как и любой другой, должен быть оформлен политически. Соответствующей капитализму формой организации мирового пространства оказываются национальные государства, складывающиеся в «центре» системы, тогда как ее «периферия» в значительной мере остается подчинена власти различных империй. Ведущая мировая держава выступает в роли гегемона, организующего систему в целом, поддерживающей общие правила игры, но одновременно принужденной отстаивать свое положение от посягательств других держав, периодически претендующих на гегемонию.

Описанная Валлерстайном схема неоднократно оспаривалась, тем более, что как и любая схема, она слишком проста, чтобы объяснить все.

В свою очередь, исследователи, принадлежащие к школе миросистемного анализа — Андре Гундер Франк, Самир Амин, Джованни Арриги, выдвигали собственные версии истории капитализма, одним из наиболее заметных результатов этой работы является книга Арриги «Долгий двадцатый век». Заслуга Арриги состоит в том, что он более чем кто-либо из теоретиков миросистемной школы показал связь между развитием миросистемы и циклами накопления капитала. В конечном счете не политическое господство или хозяйственные успехи отдельных стран, а именно логика накопления капитала приводит к разделению мировой системы на «центр» и «периферию». Для того чтобы накопление было эффективным, этот процесс должен быть сосредоточен в ограниченном количестве центров. Они могут сменять друг друга и конкурировать друг с другом, но если не будет централизации, произойдет распыление, блокирующее или оборачивающее вспять весь процесс. Однако этот подход привел Арриги к механистическому предположению, что каждый цикл накопления должен не только иметь своего гегемона, но и сам этот гегемон должен более или менее соответствовать одному и тому же «стандарту».

Напротив, Самир Амин и ряд других авторов категорически возражали против схемы, сводящей историю к череде «последовательных гегемоний» (*successive hegemonies*). На протяжении длительных периодов времени невозможно убедительно продемонстрировать наличие в мировой системе какой-либо одной державы, успешно выполняющей эту роль. Другое дело, что сознательно или бессознательно на это место пре-

тендовали сразу несколько соперничающих государств (противостояние Голландии с Испанией и Португалией в XVI–XVII веках, борьба Англии против Голландии в конце XVII века, столкновение Англии и Франции в XVIII–XIX столетиях). Мировым империям, претендующим на глобальную роль, постоянно приходилось иметь дело и с региональными державами и их вызовами, поддерживать баланс силы между ними, особенно когда речь касалась европейской политики.

Для либеральной публицистики конца XX века было самоочевидным противопоставление понятий «империя» и «национальное государство». Точно такой же аксиомой являлся и тезис об извечном противостоянии государственных институтов и свободного рынка, который якобы развивается лишь тогда, когда прекращается правительственное вмешательство в экономику.

Обе эти идеи сравнительно новы. Если идея «национального государства» вообще возникает в XIX веке, причем широкое распространение получает лишь во время общеевропейской революции 1848 года, то представление о государстве как силе, сдерживающей рыночную экономику, зарождается в пропаганде британских вигов в XVIII столетии, но окончательно оформляется лишь в том же XIX веке, причем именно тогда, когда трудовые классы и их союзники из числа интеллигенции и мелкой буржуазии предпринимают первые робкие попытки использовать политические институты, для того чтобы ограничить эксплуатацию.

Буржуа XVI века подобные идеи, несомненно, показались бы не только абсурдными, но и крайне опасными. Ведь на практике буржуазное хозяйственное развитие было тесно связано с развитием и преобразованием государственных институтов, а нации в современном смысле слова возникают как раз в процессе строительства империй (как успешного, так и неудачного). Но, конечно, речь идет об империях Нового времени, радикально отличающихся от империй древности — буржуазных империй.

Итак, нации — сравнительно недавнее изобретение. Многочисленные народы и племена Древности или Средневековья по большей части не отождествляли себя с каким-то конкретным государством, не связывали свой гражданский статус со своим этническим происхождением. Государство, как правило, было больше или меньше «народа». Для греков оно ограничивалось территорией полиса, который ошибочно называют «городом» — первоначальные полисы могли быть и скоплением деревень⁷.

⁷ Так, например, Спарта возникла из объединения сельских общин. Как известно, она не имела стен, но не потому, что ее воинственному народу (как говорила позднейшая спартанская пропаганда) стены не нужны, а потому, что это были изначально сельские, а не городские поселения. См.: *Н. Хаммонд. История Древней Греции*. М.: Центрполиграф, 2008, 118–119 (англ. изд.: *N. Hammond. History of Greece to 322 B.C.* Oxford — N.Y.: Oxford University Press, 1986). Аристотель определял полис как «сообщество нескольких деревень» (см.: Там же, с. 119).

Для египтян или ассирийцев родина была там, где действовала власть царя или фараона. Разумеется, римляне называли себя «народом Рима», но этот «народ» первоначально не включал в себя даже всего населения Лациума, говорившего на одном с ним языке, а под конец империи, рассматривал в качестве своей неотъемлемой части эллинизированных иудеев, цивилизовавшихся галлов и неизменно лояльных греков.

Суть национальной идеи в органическом слиянии, неразделимости народа и государства.

В этом смысле древние греки были народом, но не могли быть нацией, ибо единого государства у них не было. Точно так же римляне были гражданами, имевшими единое государство, но это государство было своим только для полноправных граждан. Рабы не только не чувствовали своей принадлежности к государству, но даже самый строгий законодатель и патриот Рима не стал бы этого от них требовать.

Империи создавали не только политическое, гражданское и правовое, но и экономическое пространство, без которого немислимы были развивающиеся и растущие рынки. Они упрощали обмен и налаживали единую систему налогообложения, зачастую обременительную, но необходимую для концентрации ресурсов, без чего невозможен был рост производства.

Со времен Адама Смита в Европе господствовало представление о саморегулирующейся рыночной экономике, которая настолько эффективнее любых других форм хозяйственной организации, что она естественным образом (в силу «естественных» законов) сама прокладывает себе дорогу, если только будут удалены «искусственные» преграды на ее пути, создаваемые государством, религией или традициями. В свою очередь имперские походы, завоевательные экспедиции и колониальные авантюры регулярно осуждались экономистами как совершенно ненужные эксцессы, которые порождены либо людскими слабостями (жадностью, злобой, завистью), либо стремлением государства к постоянному вмешательству во все и вся. Иными словами, завоевательная политика европейских держав уже экономистами XVIII века воспринималась скорее как пережиток Средневековья либо как отклонение от нормы, и в любом случае — скорее как препятствие на пути развития буржуазного хозяйственного порядка, нежели как его необходимое условие⁸.

⁸ Показательным примером такого подхода является книга французского историка Ж. Ле Гоффа «Рождение Европы» (СПб.: Александрия, 2007; фр. изд.: *L'Europe est-elle née au Moyen Âge?* Paris: Seuil, 2003), где автор задним числом пытается доказать изначальное единство европейской истории и культуры, причем именно в границах сложившегося Европейского союза. Колониализм воспринимается автором как некая темная страница, находящаяся в противоречии с общей логикой европейской истории, культурой Просвещения и демократическими традициями Запада. На самом деле, как мы увидим ниже, без колониализма были бы невозможны ни современные европейские нации, ни их сложившаяся после XVIII века культура и их институты, не говоря уже об Европейском союзе, созданном на основе этих наций и институтов.

В многочисленных описаниях развития рыночной экономики мы находим рассказы о предприимчивых торговцах и странствующих купцах, пробирающихся в самые дальние уголки известного им мира, соединяющих между собой разрозненные хозяйственные единицы и тем самым формирующих рынки. Эти повествования порой увлекательные, порой анекдотические и даже комичные, закрепленные в тысячах мемуарных текстов и архивных документов, гипнотизируют не только либеральных историков, но и таких критически мыслящих исследователей, как Фернан Бродель, который, впрочем, избегает делать какие-либо однозначные выводы⁹. Даже Маркс и Энгельс в «Коммунистическом манифесте» пишут про буржуазию: «Дешевые цены ее товаров — вот та тяжелая артиллерия, с помощью которой она разрушает все китайские стены и принуждает к капитуляции самую упорную ненависть варваров к иностранцам». По мнению Маркса, буржуазия распространяет свою цивилизацию «быстрым усовершенствованием всех орудий производства и бесконечным облегчением средств сообщения»¹⁰.

Если бы это всегда было так, то зачем же понадобились героические походы британских «красных мундиров» в Индию и Африку, зачем пришлось Соединенным Штатам прибегать к «дипломатии канонерок», а русским казакам да государевым людям строить остроги по Сибири?

Основоположники капитализма были на этот счет куда откровеннее и прозорливее. Основатель Батавии (нынешней Джакарты) и один из руководителей легендарной голландской Ост-Индской компании Ян Питерсзон Кун (Jan Pieterszoon Coen) отчеканил в 1619 году фразу, ставшую девизом всей европейской политики на протяжении последующих столетий: «мы не можем торговать без войны, точно так же, как не можем воевать без торговли» (we cannot carry on trade without war, nor war without trade)¹¹.

Для того чтобы обмен товарами действительно приобрел массовый характер, для того чтобы он дополнился техническим сотрудничеством между регионами и разделением труда между ними, нужна была экономическая интеграция такого масштаба, какую никогда не смогли бы обеспечить усилия странствующих торговцев и авантюристов-предпринимателей. Интеграция мировой экономики осуществлялась государством, прибегавшим к насилию всякий раз, когда возникающие препятствия не удавалось преодолеть иным способом.

Противопоставление местного и глобального развития, столь привлекательное для провинциальных романтиков-традиционалистов, идеали-

⁹ См.: Ф. Бродель. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVII вв., т. 2, с. 126–151.

¹⁰ К. Маркс, Ф. Энгельс. Сочинения, т. 4, с. 428.

¹¹ Цит. по: N. Robins. The Corporation That Changed the World: How the East India Company Shaped the Modern Multinational. London: Pluto Press, 2006, p. 40.

зирующих самостоятельную патриархальную жизнь «малых народов», не имеет никакого смысла. Одно тесно связано с другим. Глобальные процессы были невозможны без местных ресурсов. А местные ресурсы не находили себе применения (даже зачастую вообще не были «ресурсами» в экономическом смысле) до тех пор, пока водоворот политических событий не соединял повседневную жизнь тех или иных мест с более широкими процессами. И решающую роль во всем этом играло государство.

400 лет мировой истории, начиная с XVI века и заканчивая началом XXI столетия, разворачивают перед нами масштабную картину глобального процесса. Это строительство капитализма — зачастую стихийное, порой осознанное, нередко являвшееся побочным эффектом других процессов и конфликтов, но неуклонно продолжавшееся и неизменно требовавшее усилия государства, точнее целой системы государства.

С точки зрения Макса Вебера, государства начиная со времен Возрождения конкурировали за «мобильный капитал». Эта конкуренция определяла как характер международной политики, так и многие внутренние процессы, влиявшие на развитие европейских стран, однако «привела к тому незабываемому союзу между возвышающимися государствами и преуспевающими и привилегированными капиталистическими силами, который был главным фактором в создании современного капитализма»¹². Иными словами, капитал своими потребностями и интересами уже тогда в значительной мере формировал политику правительства и само государство. Однако при таком подходе капитал предполагается как нечто существующее до государства, отдельно и независимо от него. Между тем капитал отнюдь не оказывался неизменной и «внешней» по отношению к государству силой. Он сам эволюционировал в тесной связи с проводимым правительствами курсом, установившимися структурами управления, законами, обычаями и господствующей политической идеологией.

Исходя из этого Фернан Бродель, в противоположность Веберу, отмечает, что капитализм создается государством, буржуазный экономический порядок возникает там и тогда, когда буржуазия сама становится государством: «Капитализм не восторжествует до тех пор, пока он не отождествит себя с государством, пока он не станет государством»¹³.

Обмен товаров и рынок существовали с древнейших времен, но они были вторичны по отношению к производству и не играли решающей роли в воспроизводстве сельских общин, а порой даже городов, выступавших в роли административных и религиозных центров. Для того чтобы подчинить производство задачам обмена, добиться отчуждения

¹² M. Weber. *Economy and Society*. Berkeley, CA: California University Press, 1978, p. 353.

¹³ F. Braudel. *La dynamique du capitalisme*. Paris: Flammarion, 1985, p. 68.

труда от потребления, чтобы сделать рынок основным экономическим регулятором, потребовались не только усилия купцов и предпринимателей, но и изрядная доля государственного принуждения. Рынок развивался там, где ему благоприятствовала власть. Он достигал все больших масштабов благодаря непрекращающимся усилиям чиновников, правителей, военных и карательных органов.

Присоединение новых народов к мировому рынку, их включение в международное разделение труда сопровождалось непрекращающимся насилием. Власть завоевателей и собственных правителей принуждала миллионы людей к участию в новых экономических и социальных отношениях, о которых еще недавно они не имели ни малейшего представления. Колониальные экспедиции и захваты сыграли ключевую роль в «экономической интеграции», развивавшейся по сценарию, выработанному ведущими державами Запада. Превосходство европейской военной организации становится к концу XVI века очевидным фактором, определяющим характер возникающего мирового хозяйства, его иерархическую структуру. Однако эта военная сила, позволившая навязывать народам будущей капиталистической периферии новые правила игры и упорядочивать отношения внутри самого европейского общества, тоже возникает не сама по себе — она является итогом сложного процесса политического и социального развития.

В этой системе, неустойчивой, постоянно взрывающейся конфликтами и войнами, покоящейся на противостоящих интересах и ненадежных союзах, все равно требовались какой-то порядок, логика и предсказуемость, без которых движение вперед было бы невыносимым. Необходим был гегемон, руководящая сила, далеко не всегда заявляющая о себе публично, далеко не всеми признаваемая и отнюдь не всегда осознающая свою миссию, но тем не менее постоянно вступающая в действие всякий раз, когда нарушается равновесие.

Во всяком случае таков тип буржуазного развития, который мы получили в результате реальной истории. Поддержание миросистемного порядка само по себе предполагало постоянную необходимость с кем-то бороться и воевать, кого-то защищать или наоборот «ставить на место». Каждый новый этап в технологическом и экономическом развитии порождал очередное нарушение равновесия, очередные столкновения и кризисы, которые необходимо было завершать установлением нового порядка. Эта роль политического гегемона складывающейся мировой системы на протяжении большей части ее истории выпала на долю Британской империи, хотя на короткий период казалось, что выполнить ее предстоит Голландии, а в XX веке она перешла к Соединенным Штатам Америки.

Роль гегемона никогда не была официально признана или закреплена общепринятыми правилами. А потому и сама гегемония, ее пределы и

методы постоянно оспаривались, подвергались сомнению и были предметом борьбы (не только между соперничающими державами, но и внутри государства, осуществлявшего гегемонию).

Далеко не всегда, конечно, преобладание одной ведущей державы было очевидно. Именно поэтому система периодически оказывалась в состоянии хаоса. Но рано или поздно хаос, сопровождавшийся потрясениями, кризисами, войнами и социальными катаклизмами, завершался восстановлением старой или установлением новой гегемонии. Империи сменяли друг друга, становясь все более глобальными.

Региональные державы, например, как Австрия и Пруссия в XVIII веке, не претендовали до поры на влияние в Новом Свете, не вступали в борьбу за колонии, но ревностно отстаивали свои территориальные и экономические интересы, нередко определяя своими действиями и выбором альянсов соотношение сил между противостоящими мировыми империями. Подобные региональные державы, не выступая против общей логики миросистемы, даже не претендуя на руководящую роль в ней, часто требовали пересмотра отношений на региональном уровне, что само по себе оказывалось источником конфликтов, порой, не менее значительных, чем борьба за гегемонию.

Империи, претендовавшие на гегемонию или осуществлявшие ее, не могли оставаться в стороне от подобных конфликтов. Им постоянно приходилось выбирать в локальных конфликтах ту или иную сторону. И чем более масштабной и эффективной была гегемония, тем труднее было удержаться, оставаясь не вовлеченным. Британской империи на определенных этапах это удавалось (достаточно вспомнить *splendid isolation* — политику «блестящей изоляции»). Соединенным Штатам не удавалось практически никогда. Удовлетворить всех сразу — значит серьезно ослабить общую систему глобальной гегемонии.

В свою очередь региональные силы всегда готовы были — на определенных условиях — не просто признать отстаиваемый гегемоном компромисс, но и оказать ему прямую поддержку, защищая интересы гегемона, прежде всего в борьбе с притязаниями других региональных держав. Однако цена такой поддержки нередко была столь высока, что в долгосрочной перспективе меняла соотношение глобальных сил и ставила под сомнение всю систему гегемонии.

Впрочем, несправедливо было бы пытаться представить всю историю буржуазных государств как сплошной конфликт и противостояние. Мировые империи нередко выступали и в качестве партнеров, причем вчерашние противники на каждом шагу превращались в стратегических союзников. Потерпев поражение в борьбе с Англией, ее союзником на долгие годы сделалась Голландия, после Наполеоновских войн то же самое произошло с Францией.

Наконец, важным элементом системы являлись начиная с конца XVII века «периферийные империи» — Россия, Турция и вплоть до момента своего крушения Речь Посполитая. Находясь экономически на периферии, организуя колониальную по сути эксплуатацию собственного населения, эти государства одновременно не просто сохраняли независимость, но часто претендовали на роль великих держав, вступая, порой, в конфликт с ведущими странами буржуазного «центра». Интересы развития империи часто диктовали действия, выходящие за рамки региональной политики, превращая Стамбул, Москву, Петербург, а на первых порах и Варшаву, в важные центры, с которыми приходилось считаться наиболее передовым буржуазным странам.

С первого дня своего существования мировая капиталистическая экономика нуждалась в политической организации. Ей требовалась более или менее устойчивая структура, система правил, поддерживаемая властью не только на локальном, но и международном уровне. Капитал нуждался в порядке. Видоизменяющееся буржуазное государство не только завоевывало все новые и новые пространства, превращая их в «новые рынки», не только подчиняло себе миллионы новых подданных, приучая их быть наемными работниками и потребителями, но и постоянно выходило за границы своей территории. Мировая экономика формируется с возникновением Испанской и Португальской глобальных империй. Она трансформируется под влиянием успехов Голландии, в ходе англо-французского противостояния. Итогом глобального развития капитализма в конце XIX века стал империализм, обрекший человечество на две мировые войны. Русская революция, Великая депрессия и Вторая мировая война потрясли систему настолько, что вырвали из ее орбиты значительную часть населения планеты. Однако к концу века страны, пережившие антибуржуазную революцию, одна за другой возвращались в лоно капиталистического порядка. После распада Советского Союза элиты «новой России» мечтали только о достойном месте в рядах мировой буржуазной олигархии, к тому же стремились и лидеры Китая, формально все еще верного коммунистической идеологии. Несмотря на предоставление независимости бывшим колониям, признание равноправия наций и политическую корректность, имперское доминирование оставалось важнейшим инструментом поддержания контроля в системе, и вчерашние национально-освободительные движения одно за другим предоставляли контролируемые ими страны в распоряжение иностранного капитала. Но очень скоро триумф буржуазного миропорядка оказался новой катастрофой, глобальным экономическим кризисом. Механизмы контроля чем дальше, тем хуже срабатывают. А сам капиталистический порядок неминуемо движется к своему концу. И на смену этому процессу может прийти только становление новой глобальной цивилизации, построенной на качественно других основах, нежели капитализм. Иными словами — социалистического общества.

I. Миры-империи

В конце XX века, когда доверие к марксистской исторической традиции было подорвано — не столько научной критикой, сколько политическим крахом режимов, апеллировавших к марксистским идеям, — в моду вошел «цивилизационный подход». Вместо развития общественных отношений исследователям предстояло изучать специфику самодостаточных и в основе своей неизменных «цивилизаций», находящихся в непреодолимом и необъяснимом конфликте друг с другом.

Обычно цивилизация предстает перед нами в образе культуры и исторического наследия, но за ними сразу же встают куда менее приятные и привлекательные требования политической идеологии. «Столкновение цивилизаций» — явно не из области культуры. От сопоставления особенностей образа жизни различных народов мы быстро переходим к геополитике, которая, в свою очередь, становится обоснованием вооруженной борьбы и полицейского контроля.

Зародившись в Германии и России XIX века, эта традиция долгое время находилась на периферии исторического мышления, поскольку явственно противостояла доминировавшей прогрессистской традиции. Русский консервативный мыслитель Н.Я. Данилевский четко сформулировал это противостояние, создав еще до Шпенглера и Тойнби теорию «культурно-исторических типов». В книге «Россия и Европа» противостояние западной и русской цивилизаций воспринимается как нечто извечное и изначально данное, само собой разумеющееся и непреодолимое. За 100 лет до появления книги Самуэла Хантингтона «Столкновение цивилизаций» («The Clash of Civilizations») Данилевский доказывал, что Россия как носитель идей дисциплины и порядка должна сокрушить Запад, несущий разрушительную идею свободы.

Крушение Запада предсказывал и Освальд Шпенглер в «Закате Европы» («Untergang des Abendlandes»). Любуясь тем, как цивилизации «появляются, созревают, увядают и никогда не повторяются», он представлял историю как процесс, происходящий «с возвышенной бесцельностью»¹. Те же идеи развивал и систематизировал в трактате «Постижение истории» («A Study of History») Арнольд Дж. Тойнби, являющийся, пожалуй, единственным представителем этой школы, явно старавшийся отмежеваться от расистских, националистических и авторитарных выводов, к

¹ О. Шпенглер. Закат Европы. Очерки морфологии мировой истории, т. 1. М.: Мысль, 1993, с. 151.

которым с удивительной, но закономерной неизбежностью приходили другие авторы. В конце XX века, однако, связь между цивилизационной теорией и консервативной политической повесткой дня восстановилась полностью: труд Самуэла Хантингтона о столкновении цивилизаций стал идеологическим обоснованием нового «крестового похода» американских правых против «исламской угрозы»².

Главная проблема сторонников цивилизационного подхода всегда состояла в том, что они не могли договориться между собой — не только по поводу частных, что вполне естественно в научном сообществе, но и по поводу основных категорий. Они так и не сумели прийти к общим выводам ни о том, сколько вообще существовало цивилизаций в истории, ни о границах между ними. Сэр Арнольд Дж. Тойнби насчитал сначала 21 цивилизацию, потом 37 или 39, из которых 13 «независимые» («первичные»), а все остальные «дочерние» или «вторичные». А российские авторы, начиная с Н.Я. Данилевского и заканчивая Львом Гумилевым, вообще не видят в истории никакого иного содержания, кроме противостояния между «русским миром» и Западом.

В то же время бросается в глаза и двойственность идеи «западной цивилизации»: с одной стороны, это одна из цивилизаций наряду с другими, с другой стороны, ее то и дело представляют в виде всеобщей нормы.

Греки и римляне, которые ввели в обиход понятие «цивилизации», противопоставляли себя не другим цивилизациям, а варварству. Причем особенностью цивилизации было не развитие техники или даже демократии и политической свободы (ведь свободой многие дикие племена обладали даже в большей степени, чем жители Римской империи), а существование гражданской жизни. Необходимым условием «цивилизованной жизни» оказывалось, конечно, не ношение мужчинами тоги, в противоположность варварским штанам, а существование писаного права и системы государственных институтов. Цивилизация — это система социально-экономических и политических норм, исторически закрепляемая в форме культуры.

Пытаясь обобщить идеи многочисленных и почти во всем расходящихся между собой сторонников «цивилизационного подхода», молдавский историк Л.А. Мосионжник пишет, что цивилизация — это «сложная иерархическая общность людей в масштабах от этноса и более, способная к длительному автономному существованию и саморазвитию по своим специфическим законам». В основе ее жизни лежит «единство подсознательных, архетипических представлений о мире и человеке», причем этот комплекс представлений «не может быть адекватно выра-

² См.: S. Huntington. The Clash of Civilizations and the Remaking of World Order. N.Y.: Simon & Schuster, 1996 (рус. изд.: С. Хантингтон. Столкновение цивилизаций. М.: АСТ, 2003).

жен словами, он доступен лишь пониманию и «вчувствованию», но его легче всего обнаружить в мифологии и символике»³.

Легко заметить, что такое определение оставляет больше вопросов, чем ответов. Откуда берутся эти устойчивые «подсознательные представления» (к тому же не индивидуальные, а коллективные), почему вообще они такие устойчивые? Почему одни цивилизации исчерпывают себя, другие живут тысячелетиями? Чем и почему «специфические законы» одной цивилизации отличаются от таких же «специфических законов» другой?

В основе цивилизационного подхода явственно вырисовывается отрицание единой человеческой истории, даже потенциальной. Ибо мировая цивилизация оказывается в соответствии с этой логикой не более чем относительно случайной общностью, живущей по «специфическим законам», которые могут быть по непонятным причинам заменены другими законами, основанными на ином, неизвестно откуда взявшемся и непостижимом комплексе «подсознательных представлений».

Неясным остается ни то, сколько в мире существует (или существовало) цивилизаций, как проходят границы между ними и что делает их принципиально отличающимися друг от друга.

Парадоксальным образом единственный внятный ответ на эти вопросы был найден в рамках все той же марксистской традиции. Рассматривая ранние этапы истории человечества, Иммануил Валлерстайн пришел к выводу, что хотя мировой экономики в докапиталистическую эпоху не могло быть, существовали своего рода миры-экономики⁴. Политической же формой, в которой существует такой «мир-экономика», по большей части оказывается «мир-империя». В каждом из этих миров формировался более или менее устойчивый рынок, складывалась своя система хозяйственных связей, на основе которых развивалась и общая система культурных норм и символов. В конечном счете из этого выросло сходство художественных вкусов, единство политических, религиозных и эстетических представлений, правил повседневной жизни. Иными словами, цивилизация.

Миры-экономики по Валлерстайну — это и есть цивилизации по Шпенглеру и Тойнби. Ничего мистического и загадочного нет ни в их появлении, ни в их развитии, ни даже в их упадке и исчезновении, ведь экономические условия и границы мировых хозяйственных регионов с течением времени менялись.

³ Л.А. Мосионжик. Антропология цивилизаций. Кишинев: ВАШ, 2000, с. 47.

⁴ См.: I. Wallerstein. World-Systems Analysis: An Introduction. Durham, North Carolina: Duke University Press, 2004 (рус. изд.: И. Валлерстайн. Миросистемный анализ: Введение. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2006. См. также: И. Валлерстайн. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире. СПб.: Университетская книга, 2001).

По мере развития хозяйства складывается (а отчасти и сознательно формируется) устойчивая система институтов, правил, культурных традиций и даже эстетических вкусов, необходимая для поддержания стабильности и преемственности в социально-экономическом устройстве, предсказуемости рынка, надежной производственной кооперации. Единая технологическая культура опирается в традиционном обществе, где главной основой производства остается физическая сила человека, на единые религиозные представления и одинаковые нормы социальной жизни, схожие представления о долге, обязанностях, иерархии. Разумеется, эти представления, закрепившись в культуре и повседневном поведении, становятся до известной степени самодостаточными, воспроизводящимися на бессознательном уровне. Но если разрушается или радикально изменяется материальный базис цивилизации, то исчезают или эволюционируют соответствующие нормы и представления. Так, во времена Макса Вебера восходящая к Конфуцию консервативная китайская традиция считалась одной из причин отсталости страны, в то время как на рубеже XX и XXI веков на ту же традицию ссылались, объясняя стремительный прогресс государств Дальнего Востока.

Чем более мир-империя изолирован, чем более он экономически и технологически самодостаточен, тем более цивилизационного своеобразия. По мере того как локальные рынки и экономики сливаются в единый капиталистический мировой рынок, приходит и конец «цивилизационной самодостаточности».

Именно поэтому нет и не может быть «русской цивилизации», но безусловной реальностью была «советская цивилизация», развивавшаяся на протяжении некоторого времени в условиях экономической самоизоляции, пытавшаяся создать самодостаточную хозяйственную систему⁵.

⁵ Идеология «русского мира», пришедшая на смену идее «советского народа», представляла собой попытку сохранить остатки разрушающегося советского своеобразия на фоне очевидного и признанного идеологами краха советской системы. Для того чтобы такое сохранение состоялось, чтобы советские нормы представлялись не только по-прежнему актуальными, но и неизменными, востребованными и по сути вечными, их срочно перекрашивают из «советских» в русские. Схема сохраняется, но «советское» (социальное и исторически опосредованное) обоснование заменяется «русским» (этническим и внеисторическим). Другое дело, что подобная операция не является только лишь результатом идеологического произвола. В основе ее опора на определенные культурные факты, которые действительно имеют место в реальности. В конце концов Советский Союз не просто развивался на территории бывшей Российской империи, но в значительной мере (несмотря на революционный разрыв) выступил ее преемником, а сталинский тоталитаризм до известной степени опирался на культурные традиции русского самодержавия. Точно так же и постсоветская Россия сохранила в значительной мере культурные и политические традиции советского времени. Проблема в том, что консервативные идео-

На ранних этапах человеческой истории мы наблюдаем повсеместное формирование локальных миров-экономик, развивающихся параллельно и более или менее независимо друг от друга. Разумеется, это параллельное и независимое развитие отнюдь не означало отсутствие взаимодействия — уже в Риме эпохи империи можно было обнаружить китайские товары, не говоря уже о товарах, поступавших из Индии, связь которой с Восточным Средиземноморьем устойчиво поддерживалась на протяжении столетий. Однако этот обмен товарами не играл решающей роли в становлении местного производства, не был, в отличие от более поздних времен, фактором, определяющим складывающиеся общественные отношения и институты.

Кризис «миросистемной теории» в начале 2000-х годов привел к появлению работ Андре Гундер Франка и Джованни Арриги, описывавших единую мировую экономику как существующую с незапамятных времен, как нечто вечное, по существу внеисторическое. Капитализм в лучшем случае представлялся авторам подобных теорий в виде частного эпизода глобальной экономической истории, а порой напрашивался вывод, что никакого капитализма, как особой, качественно новой системы, и вовсе не было, имело место лишь временное преобладание Запада над Востоком. На методологическом уровне смысл подобного «ревизионизма» состоял в том, чтобы разорвать связь «миросистемной школы» с марксистской традицией, вернувшись к принципам либеральной политэкономии Адама Смита.

В качестве главного аргумента для обоснования своих взглядов Франк и Арриги ссылались на существование мощных товарных потоков, уже в древности направлявшихся из Азии в Европу, и аналогичного потока серебра, перемещавшегося в обратном направлении — из Европы в Азию. Следовательно, Запад был не более чем периферией великой азиатской экономики, центром которой являлся Китай.

При этом сам исследователь в жанре «фрейдовской оговорки» заявляет, что его схема переворачивает (turn) «евроцентристскую историографию и социальную теорию вверх ногами»⁶. Иными словами, внеисторическое и априорное представление об изначальном превосходстве Запада сменяется таким же представлением о превосходстве Востока,

логи с удивительным чутьем выбирают из всей массы традиций и культурных норм лишь наиболее реакционные, авторитарные и жестокие. Точно так же, как сталинский режим в 1940-е годы все более апеллировал к консервативным традициям царизма, так и наследники «русского духа», черпая вдохновение в сталинской истории, находят там опору не в прогрессивных переменах, поднявших российское общество до уровня других европейских народов, а в самых мрачных и отвратительных сторонах тогдашней истории.

⁶ A. Gunder Frank. *ReOrient: Global Economy in the Asian Age*. Berkeley: University of California Press, 1998, p. xv.

которое в силу ряда временных и случайных обстоятельств оказалось утрачено. Если бы не поток серебра из Америки, центром мировой экономики были бы Индия и Китай.

Гундер Франк представляет миросистему как извечную. Между тем существование товарообмена между Европой и Азией еще не доказывает существования единой миросистемы, которая предполагает глобальное разделение труда. Существование на протяжении столетий Великого шелкового пути говорит само за себя — процветание городов Центральной Азии и Ирана было обеспечено этим товарным потоком независимо от превратностей политической борьбы и восстанавливалось после любых варварских нашествий. Однако обмен товарами отнюдь не свидетельствует о существовании единой экономической системы. Иммануил Валлерстайн задолго до Франка и Арриги указывал на существование подобной торговли, подчеркивая, что речь идет об обмене излишками, который сам по себе не оказывал решающего влияния на социальные или хозяйственные структуры Востока или Запада. Строго говоря, решающую, системную роль подобный обмен имел лишь по отношению к Ирану и Центральной Азии, которые как раз в наименьшей степени вызывали интерес «ревизионистов миросистемной школы».

Про единую мировую экономическую систему можно говорить лишь в той мере, в какой речь идет о международном разделении труда, когда целые отрасли производства (и соответствующие социальные отношения) в одних странах формируются для производства товаров, реализуемых на рынках других государств. Международное разделение труда в конце XVII века только начинало складываться, и без европейской экспансии в Америку и Азию просто не сложилось бы. Классическими примерами такого развития являются кофейные плантации Америки (кофе привозят из Африки в Америку и насаждают там исключительно для того, чтобы продавать в Европе), массовое производство пеньки для англо-голландского флота в крепостнической России или распространение англичанами чайных плантаций в Индии, а затем в Кении. С другой стороны, никто иной как Арриги видел в миросистеме прежде всего механизм перераспределения ресурсов для глобального накопления капитала, который, естественно, не мог работать до тех пор, пока не началось само капиталистическое накопление. Особенностью азиатских экономик Средних веков и Древности было как раз то, что, несмотря на постоянный поток серебра с Запада, активного процесса накопления капитала там не происходило. Отсутствие капиталистических порядков при развитой рыночной экономике, передовых технологиях и богатейших ресурсах как раз и является одной из главных загадок Азии, не разгадав которую трудно ответить и на вопрос о причинах успеха Запада.

Миросистема складывается и развивается вместе с капитализмом точно так же, как капитализм торжествует благодаря тому, что выходит

на мировую арену и получает в свое распоряжение богатейшие ресурсы Америки и Африки. Но сам буржуазный порядок не возникает в Европе автоматически из хозяйственного развития — в противном случае он должен был бы появиться гораздо раньше и в гораздо более развитых формах в Китае или Индии. Общественно-политическое преобразование Запада на рубеже XIV и XV веков создает новую реальность, которая в конечном счете оборачивается источником формирования новой глобальной системы, преобразившей жизнь всего человечества.

ЦИВИЛИЗАЦИИ-ИМПЕРИИ

Всякое повествование об истории западной цивилизации и рыночной экономики начинается с Древней Греции и Рима. Античность принято считать культурно-историческим фундаментом Запада, и спорить с этим бессмысленно. Вопрос лишь в том: какую античность? Идет ли речь об обществе и культуре, реально существовавших в Афинах, Риме и Александрии I века до нашей эры, или о той античности, которую открыли для себя и реконструировали в эпоху Возрождения? Ведь реконструкция, на которую опирается европейская культура Нового времени, отличается от подлинной истории так же, как беломраморные статуи, изучавшиеся Винкельманом, от ярко раскрашенных скульптур реально украшавших древнегреческие города.

Не случайно с XVIII века вплоть до нынешних времен периодически появлялись мыслители, серьезно пытавшиеся доказать, что никакой античности вообще не существовало и что вся Древняя Греция вместе с Римом, Персией и Египтом была выдумана какими-то идеологами XVI века. Новейшим проповедником подобных теорий в России стали Г.В. Носовский и А.Т. Фоменко со своей «новой хронологией»⁷.

Как ни парадоксально, в этих теориях, сколь бы дикими они не казались историкам, есть рациональное зерно. Не в том смысле, конечно, что античности «не было», но в том смысле, что сознательное «воссоздание» античности как культурной и исторической традиции действительно имело место в эпоху Ренессанса. Античность, прочно забытая в Европе на протяжении столетий, была неожиданно востребована и реконструирована в соответствии с историческими задачами Нового времени. И напротив, античная традиция, игравшая значительную роль в мире средневекового арабского ислама, была предана почти полному забвению в Османской (Османской) Турции.

Разумеется, любая реконструкция имеет в основе своей реальные факты, причем даже ошибки реконструкции предопределены этой реальностью. Однако в данном случае для нас важно не то, насколько точны

⁷ См.: Г.В. Носовский, А.Т. Фоменко. Введение в новую хронологию. Какой сейчас век? М.: «Крафт +», 2001.

были историки и эстетики XVI века в своем понимании древнеримского и древнегреческого прошлого, сколько то, насколько экономические и политические институты европейской цивилизации Нового времени могут считаться прямым продолжением институтов античности? И насколько экономические, социальные и политические институты античности сами по себе являются «европейскими» и «западными»?

Система общественных институтов, опираясь на которую Запад достиг в XVIII–XX веках господства над миром, в своей основе имела буржуазный способ производства. Но капитализм отнюдь не является специфическим порождением «западной» цивилизации. Для идеологов естественна склонность путать причины со следствиями, внешние признаки явления с его сущностью. Поскольку торжество буржуазного способа производства произошло именно на Западе, это предопределило как повсеместное распространение западной культуры, доминировавшей в рамках миросистемы, так и готовность отождествить власть капитала с господством Запада, а освобождение — с освобождением от этого господства. И наоборот, распространение демократии и прогресса с признанием буржуазных «западных ценностей», которые иногда для успокоения слушателей назывались «общечеловеческими». Универсализация капитализма как системы общественных отношений и способа производства одновременно означала распространение в качестве всеобщей нормы «западного образа жизни», соответствующих правил, индивидуализма, гуманизма, Просвещения, национализма и милитаризма, даже одежды, причесок и моды.

Проблема в том, что европейское буржуазное общество возникает в XVIII веке, буржуазные отношения в XIV–XV, а «западная цивилизация», к которой апеллируют идеологии буржуазии, опирается на наследие античности и христианства — иными словами, восходит к глубокой древности. Здесь, разумеется, мы имеем дело с сугубо идеологической потребностью правящего класса, стремящегося представить свои институты, принципы и требования как вечные или, по крайней мере, древние, освященные историей и традицией. Однако это не снимает принципиального вопроса о том, в какой мере эти претензии обоснованы, в какой мере буржуазная цивилизация Нового времени является преемницей более ранних цивилизаций Запада. Да только ли Запада?

Большинство институтов, составляющих сегодня фундаментальную основу рыночной экономики, возникли отнюдь не на Западе, и корни их приходится искать не в греко-римской античности, а в истории восточных империй.

Как подчеркивает Иммануил Валлерстайн, миры-экономики древности имели тенденцию к превращению в миры-империи⁸. Это было логи-

⁸ См.: I. Wallerstein. The Modern World-System I. Capitalist Agriculture and the Origins of the European World-Economy in the Sixteenth Century. San Diego: Academic Press Inc., 1974, p. 16.

ческим следствием хозяйственной интеграции. Для того чтобы производство и рынки функционировали как одно целое, было желательно, чтобы на общем для них пространстве существовал единый политический и правовой порядок, единая система мер и весов, денежная система. Однако, как и любая общая схема, концепция Валлерстайна дает сбои, если пытаться применять ее в качестве универсальной отмычки. Безусловно, не случайно, что борьба Рима за объединение стран Средиземноморья разворачивается примерно в то же время, когда возникает империя Цинь Шихуанди, объединившего под своей властью все китайские княжества в 221 году до нашей эры⁹. И в том и в другом случае политические процессы явно опираются на определенный уровень развития производительных сил. Однако ничуть не менее развитая Индия оставалась страной, где раз за разом срывались попытки объединения и политической централизации.

Государственное оформление древних цивилизаций в виде мировым империй происходит неравномерно, через острые социальные конфликты и далеко не всегда успешно. В свою очередь результаты политической борьбы влияют на складывающиеся экономические институты, нормы хозяйствования и способ производства.

Исследователь дальневосточной цивилизации Марсель Гране отмечает, что Китай в качестве единого географического и экономического пространства сложился в результате ирригационных работ, которые в древние времена были предприняты местными властителями. «Именно они в расчлененной стране, где можно было жить только по краям плато и на холмах, открыли сухопутные и водные пути сообщения. Ими была создана территория, наконец-то пригодная для образования единой цивилизации и готовая к политическому объединению. Нынешнее единообразие Китая в зоне лёссовых и осадочных земель — это результат огромного общественного усилия. Если, по китайскому выражению, реки в конце концов сдались морю со спокойствием и величием вассалов, приносящих дань, то потому, что уделы пришли к сближению и объединению лишь после того, как приручили природу»¹⁰.

На этой основе складывалась система, получившая впоследствии название «азиатского способа производства». Задним числом эту систему европейские историки и публицисты описывают почти исключительно в негативных категориях — косность и консерватизм, подавление личности, неспособность к инновациям и бюрократическая централизация, вот то, на что обращали внимание множество западных и российских авторов

⁹ Написание китайских имен в русской транскрипции в различных изданиях варьируется. В настоящей работе имена сверены по книге: А.А. Дельнов. Китай. Большой исторический справочник. М.: ЭКСМО, Алгоритм, 2008.

¹⁰ М. Гране. Китайская цивилизация. М.: Алгоритм, 2008, с. 63.

начиная с середины XIX века. Именно эти черты «азиатского» порядка помешали восточным цивилизациям развиваться и создать у себя передовые институты, аналогичные европейским. Между тем не стоит забывать, что именно китайская централизованная империя была на протяжении многих столетий крупнейшей и, пожалуй, самой передовой экономикой мира, оказалась родиной важнейших открытий, без которых немислима была бы модернизация Европы, — порох, шелк, фарфор, вентиляционные системы, бумага, компас¹¹. Как отмечает Марсель Гране, в основе китайского *порядка* лежит «не жесткая логика субординации, но гибкая логика иерархии»¹². Иными словами, не только подчинение низших высшим, но и четкое разделение полномочий. Благодаря такому пониманию управления авторитарный строй бюрократической империи отнюдь не обязательно означал подавление инициативы и формализм.

Бюрократическая система Поднебесной империи для своего времени являлась наиболее передовой и эффективной. «Ни одно государство до Испании Филиппа II (1556–1598) и Франции Людовика XVI не смогло создать бюрократии, подобной той, что управляла Китаем», — признает английский историк¹³. Формирование эффективной бюрократии было важнейшей задачей, без решения которой Европа вряд ли могла бы стать тем, чем она стала к XVIII столетию. Однако именно эту важнейшую государственную задачу Китай не только решил на много столетий раньше, но и сумел сохранить, несмотря на неоднократные нашествия и завоевания, преемственность правительственных структур, чего на Западе после распада Римской империи достичь не удалось. Бюрократическая система, построенная в Поднебесной империи, была неразрывно связана со всей системой культуры и образования, которая стихийно воспроизводилась даже тогда, когда сами политические учреждения оказывались подорваны или даже разрушены. Конфуцианская традиция гласит: «Хороший порядок в значительной степени зависит от правильного языка»¹⁴. В свою очередь, язык — вернее система знаний и общественных представлений — воспроизводит порядок.

¹¹ Показательным примером подобной логической ловушки является книга Л.А. Мосионжника «Антропология цивилизаций». С одной стороны, он сетует, что в экономике старого Китая доминировал «косный» государственный сектор (с. 231), а с другой стороны, на той же странице сообщает, что эта экономика вплоть до XVIII века была технически и организационно самой передовой в мире: китайское ткацкое производство опережало английское вплоть до начала индустриальной революции, горнорудная промышленность шла вровень с европейской, а систему вентиляции шахт, как в Поднебесной империи, на Западе не могли устроить до XIX века (Там же, с. 230–231).

¹² М. Гране. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы. М.: Алгоритм, 2008, с. 397.

¹³ G. V. Scammell. The First Imperial Age: European Overseas Expansion c. 1400–1715. London: Unwin Hyman, 1989, p. 2.

¹⁴ М. Гране. Китайская мысль от Конфуция до Лаоцзы, с. 301.

Распространяясь за пределами собственно Поднебесной империи, этот общественный порядок в той или иной степени воспроизводился почти повсюду, где доминировало китайское культурное влияние. Однако были и исключения. Япония, несмотря на то что в первые столетия своей истории развивалась как периферия китайской цивилизации, сформировала иной социальный порядок, сближавшийся с европейским феодализмом. Поскольку материальные условия были на Японских островах иными, чем на континенте, иными оказывались и социально-экономические структуры, несмотря даже на то что сам правящий класс, проникнутый китайским влиянием, добросовестно пытался воссоздать здесь империю по образцу «старшего брата».

Чем больше обособлялась Япония от континента политически и экономически, тем больше в ней было своеобразия, порожденного не столько религиозными или этническими особенностями, сколько быстрым развитием феодальных отношений — на фоне стагнирующего в «азиатском способе производства» Китая. Значительную роль в этом разрыве сыграло монгольское нашествие XIII века. Успешное завоевание Китая Чингизханом не было дополнено покорением Японии. Несмотря на старания монголов, Япония, огражденная морем, выстояла, сохранила свою независимость, отделившись не только от подчинившегося новой династии Китая, но и от единого политико-экономического пространства, возникшего в Азии благодаря монгольским завоеваниям. Однако показательно, что средневековая Япония свои отличия от Китая не выпячивает, а наоборот скрывает. И чем больше эти отличия, тем более тщательно они скрываются (поразительным примером является сознательная «китаизация» текстов средневековой японской литературы).

«Азиатский» тип государства, наиболее последовательно воплощенный в Китайской империи, отнюдь не был нормой для всего континента (например, Месопотамия развивалась совершенно иным путем). Но с другой стороны, «азиатский» тип государства мы обнаруживаем во многих частях мира, совершенно не подвергавшихся китайскому влиянию — в доколумбовой Америке, в Древнем Египте. Причем именно в доколумбовой Америке мы находим наиболее последовательно выраженный азиатский способ производства¹⁵.

¹⁵ Разрабатывая концепцию «азиатского способа производства», Маркс опирался прежде всего на британские публикации по истории и социальному развитию Индии, потому, естественно, характеризовал описываемые отношения как «азиатские». Однако именно в Индии из всех Восточных стран подобная система выражена наименее последовательно. Позднейшие исторические исследования (в том числе археологические данные и продолжавшаяся на протяжении XX века расшифровка древних текстов) показали, что Древний Египет и доколумбова Америка могут использоваться в качестве куда более ярких примеров подобной социально-экономической системы.

Во всех этих случаях, несмотря на «цивилизационные» различия, общей была необходимость координации хозяйственных усилий людей на значительных территориях. Разрозненные общины объединялись внешней силой, которая организовывала их взаимодействие и взаимопомощь в масштабах, недоступных для «сетевой координации» между соседями и родственниками. Сотрудничество может быть добровольным и принудительным, оно может осуществляться в форме прямой производственной кооперации и в виде обмена. Но чем больше его масштабы, тем значительнее роль центрального правительства.

Уже в Древнем Египте мы обнаруживаем «восточный» тип государства, во многом схожий с тем, что в те же времена начинает формироваться в Китае. Кооперация между общинами обеспечивается за счет действий централизованного государства, стоящего над ними. Строительство ирригационных сооружений из-за регулярных разливов Нила было так же необходимо, как и работы по укрощению рек в Китае. Нестабильность сельского хозяйства, чередовавшего изобильные урожаи с годами «тощих коров», ставила в повестку дня еще одну задачу: формирование стратегических запасов, перераспределение ресурсов между общинами. Такая роль государства была понятна и приемлема для общинников даже без особого принуждения. Именно поэтому в странах Азии и Африки государственные структуры начинают формироваться быстрее, чем само общество разделяется на классы. Но само по себе возникновение государственного аппарата оказывается важнейшим стимулом для социального расслоения. Даже если кооперация добровольна, необходимо отчуждение полномочий, предоставление власти некоему органу, находящемуся за пределами общин и над ними. Появляются привилегии, социальное разделение труда, оформляются закрытые касты, присваивающие себе не только политические полномочия, но и идеологический статус, закрепляющие за собой монополию на определенный род знаний.

Чем более общины самодостаточны, чем более они замкнуты на себе и разобщены в своей повседневной жизни, тем менее они способны контролировать этот внешний орган, тем более авторитарной становится власть. Накопление информации и знания невозможно внутри отдельной общины, живущей натуральным хозяйством. Эту функцию берет на себя отчужденная от масс элита. Но, в свою очередь, накопление ею знаний приводит к увеличению и закреплению разрыва между верхами и низами.

Жрецы и чиновники Древнему Египту жизненно необходимы. Ими осуществляется накопление и анализ информации о режиме вечной реки (что можно эффективно осуществить, лишь работая на территории, охватывающей большую или значительную часть русла Нила). Их дело — составление календаря и прогнозирование разливов.

Поскольку наука еще не отделена от религии, эта работа может быть сделана лишь кастой жрецов, которая в свою очередь заинтересована в сохранении своего исключительного положения. Религиозная мистификация знания нужна, для того чтобы знания постоянно и неизменно конвертировались во власть. Господствующие позиции в государстве оказываются в руках своего рода интеллектуальной олигархии.

Другая задача египетского государства — поддержание устойчивого воспроизводства в условиях нестабильного сельского хозяйства. То, что блестяще делал библейский Иосиф. Накопление запасов в урожайные годы, поддержка населения в неурожайные действительно была важнейшим принципом египетской экономической политики.

Иосиф (вернее, его исторический прототип, заправлявший хозяйственными делами в годы правления гиксосов), разумеется, никак не мог быть изобретателем этой системы. Археологические данные показывают, что подобное накопление ресурсов проводилось фараонами задолго до него — еще в эпоху Древнего Царства, и даже раньше, до объединения Египта во времена Царя-Скорпиона.

Как бы ни хотелось видеть великого экономиста древности в библейском Иосифе, покорившем сердце фараона своим толкованием сновидений, приходится сделать вывод, что красивая история о 14 «тощих» и «тучных» коровах, не более чем плод позднейшего вымысла. Если Иосиф чем-то и отличался от своих предшественников, выполнявших сходные функции при дворе прежних фараонов, то лишь тем, что, по-видимому, придал этой работе невиданный доселе масштаб и использовал это для укрепления собственного политического влияния. Впрочем, нельзя забывать, что гиксосы, во времена которых развернулась бурная деятельность библейского героя, были в Египте чужими и могли плохо понимать, как устроена система. В таком случае можно предположить, что смысленный сын Израилев, разобравшись в задачах хозяйственного управления, объяснил их фараону с помощью сказки о коровах.

Описывая возникновение государства, Энгельс подчеркивал, что в основе власти лежит насилие и принуждение, которые, в свою очередь, становятся необходимыми, поскольку существует антагонизм между классами. Однако опыт древних держав Востока (которые хронологически были куда старше западных) свидетельствует о том, что государственные структуры начинают складываться еще до того, как сформировались социальные классы. Другое дело, что общественное разделение труда в какой-то форме уже существует, а оно неминуемо ведет к образованию классов, являясь исходным пунктом социального размежевания. Необходимость в разделении труда порождает и классы, и государство одновременно.

Стоило государству сложиться, оно само становилось важнейшим катализатором развития социальных и классовых различий. Отделение

управления от производства, превращало управленческую деятельность в источник привилегий. Элита понемногу переходила от управления к угнетению. Однако именно эта эксплуататорская природа новой элиты делала возможным расширенное воспроизводство, концентрацию ресурсов и внешнюю экспансию.

Новый политический порядок разрывал и ослаблял связь между людьми, ранее существовавшую на основе рода, заменяя ее общностью территории, на которую распространялся контроль правителя. Главный принцип бюрократии — учет и контроль. Но это в свою очередь требует развития письменности и математики. Так что не случайно, что именно бюрократизированным обществам древности человечество обязано этими двумя своими важнейшими достижениями.

Впрочем, общества Древней Азии породили не только бюрократию, с ее цивилизационными достижениями, но и многие из структур, которые впоследствии принято было считать «открытием» европейского Запада. Финикия и Вавилон создали торговое государство значительно раньше греческих полисов, которые в значительной мере воспроизводили их опыт. В обществе, сосредоточенном на торговле, функции власти меняются. В первую очередь это поддержание порядка, соблюдение правил, защита купцов (наказание за обиду — еще в классической Греции и потом в Риме типичный *casus belli*, да и в XIX веке между «цивилизованными» нациями и остальным миром).

Парадоксальным образом, именно торговое государство выдвигает на первый план силовую функцию. Оно должно не просто организовывать жизнь на собственной, не очень значительной территории, но и иметь возможность защищать интересы своих купцов далеко за ее пределами. Территориальная экспансия бюрократических империй Востока была медлительна и не слишком агрессивна. Завоевательные войны Египта начались лишь тогда, когда развитие купеческих центров Восточного Средиземноморья изменило всю местную экономику, втянув фараонов и их поданных в борьбу за контроль над торговыми путями и поставками сырья. Тем не менее военная слабость Египта проявлялась довольно быстро — при столкновении с кочевниками-гиксосами, ассирийцами, персами. Китай всегда был государством с мощной бюрократией, но крайне слабым силовым блоком. Именно поэтому Поднебесная империя не столько завоевывала своих соседей, сколько сама то и дело становилась жертвой завоеваний.

Оказавшись политически самостоятельными, торговые города обрели новую роль и возможности, которых не было у городских центров древних империй. Те центры выполняли административные функции, и лишь в качестве побочного эффекта в них происходило развитие торговли и производства. Такие города почти не имеют экономического значения в

позднейшем европейском понимании. Они, конечно, являются центрами товарообмена, но в первую очередь — военно-политическими, религиозными и, как мы сейчас сказали бы, научными центрами (инков и ацтеков современное разделение религии и науки очень бы позабавило).

С того момента, когда торговый город становится политически самостоятельным, меняются и его отношения с сельской местностью. Неэквивалентный обмен с деревней становится нормой, поддерживаемой на протяжении столетий — рост городов требует дополнительного изъятия прибавочного продукта на селе. Это может быть достигнуто принуждением или торговлей, но так или иначе деревня оказывается подчинена городу.

Города древности и средневековья нуждались в деревне куда больше, чем деревня в них. Сельское население в значительной мере было самодостаточным. Разумеется, оно потребляло товары из города, но если бы рост городов был ограничен исключительно потребностью села в их товарах, расцвет торговых центров вряд ли был бы возможен. Так что с самого начала внеэкономическое принуждение было важнейшим фактором и условием возникновения рынков. Без изъятия прибавочного продукта их развитие трудно себе представить. Перераспределение ресурсов между массами и элитой дополняется другим перераспределительным потоком — из деревни в город.

Позднее, по мере роста городов и изменения образа жизни, усложняющееся разделение труда изменит объективные отношения города и деревни, снижая потребность во внеэкономическом принуждении. Но произойдет это много столетий спустя, в эпоху буржуазных революций, когда развивающийся городской капитал утратит заинтересованность в феодалах как поставщиках ресурсов.

Политическая власть сосредотачиваясь в городах, обеспечивает их ресурсами. Торговые города и аграрное (ирригационное) государство развивались в значительной мере параллельно. Но с определенного момента они начинали нуждаться друг в друге. Торговый город, обретая самостоятельность, остается крайне уязвимым, ему нужна защита и связь с «внутренними территориями» (рынками сбыта, источниками сырья), нужен административный механизм, обеспечивающий перекачку ресурсов из сельских районов. В свою очередь, перед правителями аграрных империй городское хозяйство открывает новые возможности, обогащает их¹⁶. Так начинает складываться «смешанная экономика» древности.

¹⁶ Города-государства Азии, за исключением Вавилона, то и дело оказываются под властью чужеродного правителя и прекрасно себя чувствуют. Даже греки в Малой Азии долгое время были лояльными подданными Персии, поставляли ей войска и флот против своих соплеменников на Западе. Существование подобного «ксенократического» господства на Востоке по отношению к городам (кроме Вавилонии) не случайность. Города не только страдали под властью азиатских царей, но и получали от сотрудничества с ними немалые выгоды.

Государства Месопотамии и Восточного Средиземноморья одними из первых демонстрируют смешанную модель власти, для них характерно сочетание торговых и строительно-хозяйственных задач. Здесь мы находим смешение элементов хозяйственной и социальной организации, из которой впоследствии разовьются «античный» и «азиатский» способы производства. Исключением является лишь Египет, где структуры азиатского способа производства не только вполне сложились и достигли полного развития уже во времена Древнего Царства, но и проявили удивительную устойчивость, пережив эллинизм и сохранившись без серьезного изменения даже при Птолемеях.

Что касается государств Передней Азии, то здесь формируется своего рода «смешанная экономика». Разделение двух путей развития происходит окончательно, по-видимому, лишь в Темные века, когда рушатся торговые и культурные связи, а греческий «запад» и азиатский «восток» на какое-то время оказались предоставлены сами себе.

Торжество азиатского способа производства над рыночным рабовладельческим типом хозяйства в Месопотамии было прекрасно объяснено еще Марксом. Причиной того, что государство продолжало играть решающую роль, была ирригация. В условиях Междуречья прекращение ирригационных работ привело бы к стремительному заболачиванию значительной части земель и фактическому краху всего сельского хозяйства.

В условиях дефицита плодородной земли, типичного для материковой Греции и западного побережья Малой Азии, напротив, складывались совершенно иные отношения. Однако даже в Греции дорические общины Лаконии развивались в сторону государственного феодализма, а не рыночного хозяйства.

Пионерами рыночной экономики в Средиземноморье выступают не греки, а финикийцы.

После краткого периода расцвета древних цивилизаций в Микенах и на Крите там наступает новый период упадка, обозначаемый историками как «Темные века». Именно в этот момент первые ростки цивилизации начинают пробиваться на Западе. Но и тут немалую роль сыграло влияние Востока. Финикийцам принадлежит, по выражению Оскара Егера, «честь пересадки приобретений культуры восточного мира на Запад»¹⁷. В условиях экономического упадка Востока, торговля финикийцев могла выжить лишь за счет появления новых рынков. В их поисках финикийцы проникают в самые отдаленные уголки европейского континента, предлагая все еще диким племенам Севера изделия более развитых народов, и тем самым становятся разносчиками опыта передовых цивилизаций своего времени.

¹⁷ О. Егер. Всемирная история. Т. 1, Древний мир. СПб.: Полигон, М.: АСТ, 2001, с. 36.

Если идеологи, настаивающие на «уникальности» Запада, готовы признать роль азиатских обществ в становлении бюрократии, развитии военного дела и формировании централизованного государства, то уж в вопросе о происхождении демократии и рыночной экономики они настаивают на приоритете Европы. Увы, это далеко не так.

Не только деньги, кредит и многие другие базовые элементы рыночной экономики родились на Востоке (точно так же, как и имперское государство, бюрократия и «европейский тип» алфавитной письменности, не говоря уже об «арабских» цифрах, привезенных в Европу из Индии еврейскими купцами), но и город-полис, ставший первой формой демократического государства, возник отнюдь не в Греции.

Города-государства «полисного» типа существовали еще в древнем Шумере и позднее у финикийцев — задолго до начала греческой истории. Причем, как и у греков, первоисточником полиса было несколько сельских общин, объединившихся по военным, экономическим или религиозным соображениям. Вавилон тоже начинался как город-государство, не сильно отличающийся от позднейших греческих. Разумеется, эти шумерские полисы не были демократиями, но и ранние греческие государства — тоже.

Хотя города Месопотамии имели царей, позиции последних были не прочнее, чем в ранних греческих полисах. Историки, изучающие шумерские хозяйственные документы, констатируют, что «власть царей была отнюдь не столь беспредельной, как они это изображали в своих надписях, и что община, хотя и ослабленная в результате происшедшего в ней процесса дифференциации, продолжала оставаться силой, с которой царю приходилось все еще считаться»¹⁸. Еще слабее была монархия в Финикии: «Крупные рабовладельцы держали под своим неослабным контролем и царя, который в торговых городах-государствах Финикии не обладал деспотической властью царей Египта и Вавилонии»¹⁹.

Укрепление царской власти происходило по мере роста территории государства, что опять же относится и к греко-римской истории. Республиканский строй Рима, допускавший широкое участие плебеев в политике, как и Афинская демократия, были скорее исключением, чем правилом для античного мира, где преобладали все же монархии и олигархии.

Если история демократических Афин закончилась крахом государства, то история Римской республики завершилась созданием великой средиземноморской империи. Но в политическом отношении итоги римской победы и афинского поражения были поразительно схожи: и в том и в другом случае демократическим порядкам пришел конец, а граждане попали под власть монархов (в одном случае — македонских царей, в другом — собственных императоров).

¹⁸ Всемирная история. М.: Академия наук СССР, Политиздат, 1956, т. 1, с. 213.

¹⁹ Там же, с. 389.

Крупные территориальные объединения древности просто не могли управляться по правилам полисной демократии, которая оставалась в значительной мере пережитком общинного строя, пусть и трансформировавшимся под влиянием новых условий. Эта демократия принципиально отличается от сословного представительства средневековой Европы, ставшего прообразом буржуазного парламентаризма. Больше того, первое отнюдь не создает благоприятной почвы для развития второго. Ибо возродившаяся (точнее, заново сложившаяся) демократия полисного типа в городах Европы X–XII веков сдерживала становление единого государства. Флоренция, Новгород и Любек не породили парламентов, земских соборов и Генеральных Штатов. Эти формы сословного представительства были созданы монархиями, подавившими политическую самостоятельность городов.

Городские республики возникли в Финикии. Классическим примером такой республиканской олигархии является, конечно, Карфаген. Но в еще более ранний период республиканская форма правления была известна финикийцам: в сохранившейся дипломатической переписке «по отношению к ряду городов, как, например, к Арваду, всегда говорится лишь о “людях Арвада” и никогда не упоминается царь Арвада»²⁰. В период персидского господства внутреннее устройство находящихся под их протекторатом финикийских городов было республиканским. Царская власть понемногу исчезала и в городах Этрурии.

Язык этрусков так и не удалось до настоящего времени расшифровать. А большая часть информации о политической системе финикийских колоний приходит к современному историку из римских и греческих источников, которые рисуют картины ужасающей коррупции и всеобщей продажности — в противовес республиканским доблестям римлян. Легко догадаться, что подобные рассказы имеют отпечаток политической пропаганды. Нет сомнений, что продажности и коррупции в Карфагене было более чем достаточно. Но политические нравы в Коринфе и поздней Римской республике были, безусловно, не лучше. На протяжении истории Карфагена мы наблюдаем такую же борьбу традиционной олигархии и демократов, какую мы находим в греческих полисах и в самом Риме, причем ко времени Третьей Пунической войны демократы явно начинают одерживать верх²¹.

Чеканить монету, судя по всему, придумали в азиатской Лидии. Это царство, расцветшее благодаря собственным месторождениям золота — рудникам Тмола, золотоносным пескам реки Пактол. Именно здесь дога-

²⁰ Всемирная история, с. 213.

²¹ Впрочем, надо признать, что среди историков нет полного единства относительно того, какую из соперничавших карфагенских партий считать демократической.

дываются нарезать золотую проволоку маленькими кусочками, ставить на них клеймо, и тем самым использовать драгоценный металл для мелких и средних торговых сделок.

Алфавит появляется в Финикии. Характерно, что его родина — город Угарит был многонациональным торговым центром, тесно связанным с Египтом, Кипром, Микенами, Передней Азией. Здесь микенские вазы можно было обменять на балтийский янтарь, а изделия из кипрской меди поставлялись в страну хеттов и бедную сырьем Месопотамию. Как отмечают французские историки, появление алфавита тесно связано с торговым и космополитическим характером финикийского общества. Условием для этого было «многонациональное население городов и расширение торговли, потребовавшие использования единого алфавита для передачи знаний на разных языках. Алфавит, бывший предком греческого и латинского, служил средством сохранения знаний и их широкому распространению: каждый мог запомнить начертание 20 или 30 знаков, не проходя при этом специальной подготовки»²².

Именно многонациональные и культурно разнородные общества Востока, а не этнически более однородный Запад, были источником постоянных инноваций как технических и экономических, так и культурных. К концу бронзового века археологи и историки дружно констатируют «отставание Европы»²³. Это отставание проявляется в одновременной слабости центральной государственной власти и неразвитости рыночной экономики. Сильное правительство, характерное для древних держав Азии и Восточного Средиземноморья, оказалось, по крайней мере, на том этапе истории фактором, благоприятствующим развитию рынка.

В плане военной традиции Запад обязан Ассирии ничуть не меньше, нежели Древней Греции и Риму. По ироническому замечанию одного из историков, «Ассирия ничего не дала миру, кроме идеи империи и устройства военной машины»²⁴. Действительно, в отличие от бюрократического или теократического государства, формировавшегося в Китае и Египте, правители Ассирии смогли создать крупную территориальную державу, опиравшуюся прежде всего на организованную военную силу. В 745 году до нашей эры царь Тиглатпаласар III создал первую в истории профессиональную армию, содержавшуюся за счет казны. Она имела некое подобие единой униформы, стандартизированное вооружение, сосредоточенное в царских арсеналах, знамена (два бегущих буйвола на фоне диска, насаженного на шест), разделение на рода войск. Наряду с конницей и пехотой существовали и инженерно-саперные подразделе-

²² История мира. Древний мир. М.: Белфакс, 2000, с. 132 (ориг. фр. изд.: L'Histoire du monde. L'Antiquite. P.: Larousse, 1993).

²³ См.: Там же, с. 86.

²⁴ Л.А. Мосионжник. Цит. соч., с. 103.

ния, служба разведки, которую по обычаю возглавлял наследник престола. Были здесь и свои «политработники» — жрецы, закрепленные за соответствующими боевыми отрядами и даже военные музыканты. В бою подобная армия могла сохранять четкое построение, дисциплину и эффективно управляться командующим. Как отмечает историк Л.А. Мосионжник, «такая армия изменила весь характер общества»²⁵. Военная организация в значительной мере стала основой политической. В то же время содержание на постоянной основе мощной военной машины требовало очень больших средств, которые могли быть получены либо за счет военной добычи и постоянного расширения державы, либо за счет жесткой эксплуатации подвластных территорий. Причем эксплуатация могла быть эффективной лишь в финансовой форме — парадоксальным образом, милитаристский режим империи способствовал развитию денежной экономики, ибо иная форма хозяйства не могла удовлетворить его потребность в содержании регулярной армии.

В конечном счете ассирийская держава рухнула, столкнувшись с проблемой ограниченности ресурсов. Военная машина пожрала весь ассирийский народ, армия пополнялась случайным сбродом со всех концов империи. Легко заметить, что несмотря на все культурные различия, Римская империя в значительной мере повторяла развитие Ассирии, сталкиваясь с теми же проблемами и противоречиями.

После краха Ассирийской империи в том же историческом регионе формируется новая держава — Персия. Расширение персидской империи на Запад было естественным следствием укрепляющейся связи между торговыми городами и аграрными империями. Финикийцы (особенно жители Сидона) сопротивлялись завоевателям гораздо активнее, чем греки, ведь финикийские города были ориентированы на глобальную морскую торговлю. Зато города Месопотамии были лояльны к персам. А ионийские греки, несмотря на презрение к варварам, отнюдь не продемонстрировали стремления к свободе. Именно они втянули персов в войны с Афинами и Спартой!

Персы не пошли же на Индию, хотя это богатая и легкая добыча, они двигались на Запад, пытаясь установить контроль над торговой зоной Восточного Средиземноморья, иными словами, положили начало процессу, завершённому уже Римом. История сохранила нам не только миф о героическом сопротивлении свободных греков Персидской империи, но и случаи многочисленных переходов греков к персам — в этом списке мы находим не только Алкивиада, но и самого Фемистокла, победившего персов при Саламине и тем спасшего эллинскую свободу. Оклеветанный соотечественниками, после долгих скитаний он бежал к персидскому царю Артаксерксу I и получил в управление ряд греческих городов Ма-

²⁵ Л.А. Мосионжник. Цит. соч., с. 97.

лой Азии. Предатели есть в любое время и в любой стране, но эти переходы были слишком частыми и массовыми, чтобы их можно было считать просто частными случаями, не требующими особого объяснения.

Греческие войска и корабли были постоянной частью военной машины персов. В персидской державе был влиятельный греческий «сегмент» со своими специфическими интересами, которые не только принимались во внимание царями, но зачастую и определяли их политику.

Другое дело, что интересы торговой олигархии не всегда совпадали с настроениями и интересами городских масс. Именно в этом была суть замечательной идеологической диверсии, устроенной Фемистоклом перед сражением при Саламине.

Плутарх: «Плывя вдоль берегов, Фемистокл повсюду, где неприятель необходимо должен был приставать, спасаясь от бури, делал заметными буквами надписи на камнях, которые случайно находил или сам ставил около корабельных стоянок и источников. В этих надписях он обращался к ионянам с воззванием, если можно, перейти к афинянам, своим отцам, борющимся за их свободу; а если нельзя, то, по крайней мере, вредить варварскому войску во время битвы и приводить его в расстройство. Он надеялся этими надписями или склонить ионян к измене, или смутить варваров, заставив их относиться с большей подозрительностью к ионянам»²⁶. Фемистокловы камни за две с лишним тысячи лет до Ленина были обращенным к низам призывом превратить империалистическую войну в гражданскую.

На первых порах Греция находилась на окраине культурной зоны «Среднего Запада», простиравшейся от Восточного Средиземноморья до Междуречья (то, что сейчас называют Ближним Востоком). Древние греки не были первыми ни в том, что касается рыночной экономики, ни даже в создании институтов народоправства. Их историческая заслуга состоит в том, что идеям и опыту, полученному ими с Востока, они сумели придать собственную форму, настолько законченную, осмысленную и последовательную, что их культура за весьма короткий срок распространилась по всему Средиземноморью, став образцом для подражания.

Куда значительнее были новации греков в военном деле. Дисциплинированное ополчение превратилось в фаланги тяжеловооруженных гоплитов. Ранее подобные элитные подразделения могли формироваться лишь в качестве царской гвардии, тогда как демократизация военной системы, осуществленная эллинами, позволяла организовать массовую мобилизацию граждан полиса, одновременно обеспечивая их хорошим вооружением.

На море греческие города создали постоянный военный флот. Финикийцы, будучи искусными мореплавателями, не делали морскую войну

²⁶ Плутарх. Избранные жизнеописания. М.: Правда, 1990, т. 1, с. 223.

отдельным искусством. Ни Тир, ни Сидон, являясь крупными торговыми центрами, не были в военно-политическом смысле морскими державами. Они выставляли боевые корабли по мере необходимости для защиты собственных интересов или по требованию очередной господствовавшей над ними сухопутной империи. Не создав собственной военной силы хотя бы на море, торговые города — за исключением Карфагена — не стали серьезными политическими центрами. Напротив, Афины в ходе войн с персами не просто построили мощный флот, но и превратили его в постоянно действующую силу, присутствующую на море не только во время войны, но и в дни мира. Именно это постоянное содержание военного флота стало стержнем Афинского морского союза — младшим партнерам приходилось регулярно жертвовать деньги на содержание этой силы. Сосредоточив в своих руках морскую мощь, Афины неожиданно обнаружили себя центром финансового накопления.

Финикия и Греция могут быть представлены как «Голландия» и «Англия» древности. Подобно голландцам XVII века, финикийцы были морскими извозчиками древности, сосредоточившими в своих руках посредническую торговлю по всему Средиземноморью и даже за его пределами. Как отмечает Л. Мосионжник, «вся морская торговля от Британии до Сомали совершалась на их кораблях, так что вплоть до эпохи Александра Македонского все крупные державы Передней Азии нанимали себе на службу тирян вместе с их кораблями, вместо того чтобы заводить собственный флот. Однако торговля финикийцев была именно и только посреднической. И в Тиро-Сидонском царстве, и в Карфагене собственное ремесло было развито слабо и обслуживало в основном лишь нужды самих этих городов, торговавших чужими товарами»²⁷. Иное дело греки, которые, подобно англичанам в Новое время, были не только торговцами, но и производителями. «В отличие от финикийцев (что и обеспечило эллинам победу над ними в конкурентной борьбе), греки не ограничивались перевозкой на своих судах чужих товаров, но торговали в основном собственной продукцией: ремесленными изделиями, вином, оливками и т.д. Свое значение мировых торговцев эллины сохранили даже тогда, когда политическая свобода Греции окончательно отошла в прошлое»²⁸.

Таким образом, вытеснение финикийцев эллинами на вторые роли в древней торговле было в значительной мере повторено победой Англии над Голландией в XVII веке. История вообще полна повторяющимися сюжетами (что часто оказывается ловушкой для историков). Об эти повторы спотыкается наивная критика источников, начиная от русских «антинорманистов», отрицавших существование варягов на том осно-

²⁷ Л.А. Мосионжник. Цит. соч., с. 128.

²⁸ Там же, с. 388.

вании, что сюжет про трех братьев, основавших государство, явно носит мифологический характер²⁹, заканчивая Фоменко, посчитавшим, будто античной истории вообще не было. Дело не только в том, что сами мифологические сюжеты часто обобщают ситуации, случающиеся в реальной жизни, но и в том, что в истории существуют общие закономерности, порождающие в сходных условиях многократное повторение однотипных сюжетов (народные восстания, завоевательные походы, торговое соперничество, устранение конкурентов, предательство, порабощение и борьба за свободу).

Таким же политическим «прасюжетом» для последующей истории стала и борьба олигархических и демократических партий в греческих городах. Борьба демократии и олигархии была типична для большинства государств полисного типа не только в Греции, но и за ее пределами. Однако переворот VII–VI века до нашей эры в Афинах привел к тому, что олигархия потерпела беспрецедентное поражение. В этом плане устойчивый, сохраняющийся на протяжении длительного исторического периода демократический строй действительно был историческим исключением. Причем не только по отношению к Востоку, но и по отношению к большей части Греции.

Однако распространение греческой культуры в соседние страны не имело ничего общего с распространением институтов демократии. Напротив, именно с поражением демократических сил в Афинах и других полисах начинается новая эпоха, когда эллинизм превращается в культурный инструмент недолговечной, но блестящей македонской империи.

Эллинизация Востока происходила задолго до Александра Македонского точно так же, как и эллинский мир в более раннюю эпоху находился под сильным влиянием обществ, сложившихся в Египте и в Передней Азии. Эллинские колонии на Востоке находились в постоянном взаимодействии с «варварами», которые активно перенимали все, что считали для себя полезным, включая художественный стиль и философские знания. Греки из городов Малой Азии были подданными персидских царей, греки-эмигранты — их советниками, получая иногда даже сатрапские должности, а греки-наемники составляли ударную часть их армии. Главное же то, что включив в состав империи греческие города и Финикию, персидские цари соединили континентальную Азию со Средиземноморьем экономически задолго до того, как Александр Македонский объединил их культурно и политически. Вот почему после походов

²⁹ При этом существование трех братьев князей в Киевской Руси — Владимира, Ярополка и Олега — никто, естественно, не отрицает, хотя параллель с мифологическим сюжетом и с историей о Рюрике, Синеусе и Труворе просто бросается в глаза. Кстати, еще раз сюжет о трех братьях повторяется в случае Ярослава, Бориса и Глеба.

Александра эллинизация произошла с поразительной быстротой и легкостью, завоевательные походы были на удивление короткими и успешными, а эллинистические династии диадохов прочно удерживались на своих престолах, несмотря на первоначальную малочисленность греко-македонского элемента в покоренных обществах. И напротив, Индия, не затронутая ранее процессом экономической и культурной интеграции со Средиземноморьем, оказалась Александру не по зубам.

Древняя Греция в VI–V веках до нашей эры выступала в роли экономического и культурного гегемона по отношению к «полуварварским» Эпиру и Македонии, но именно македоняне в конечном счете смогли превратить греческое экономическое и культурное влияние в политическое господство. Причем прежде чем распространить свое влияние на Грецию, македонские цари из династии Теменидов, научились использовать эллинскую культурную гегемонию в качестве политического инструмента в собственном царстве. Греческий язык правящей династии (происходившей, по преданию из Аргоса на Пелопоннесе) сделался государственным, позволяя объединить в единое целое разрозненные племена иллирийского или фракийского происхождения. Еще задолго до Александра Великого эллины описывали македонян в качестве варваров, говорящих на греческом языке³⁰.

В самой Греции македонское завоевание принесло с собой существенные культурные перемены, без которых эллинизм был бы в принципе невозможен. Несмотря на то что культурная ассимиляция «варваров» происходила стихийно на протяжении длительного исторического периода, сами эллины не только не способствовали этому процессу сознательно, но, напротив, всячески стремились ограничить его, проводя жесткое разделение между варварами, говорящими на греческом языке, и собственно греками. Показательно, что Александр Македонский был допущен до участия в Олимпийских играх только потому, что его род происходил от Теменидов, правителей Аргоса. Подданные же его допущены быть не могли.

Македоняне, будучи сами эллинизированными варварами, резко изменили ситуацию, поставив на первое место культурную, а не этническую идентичность. Подобная политика, ориентированная на культурную ассимиляцию новых подданных, первоначально реализованная в самой Македонии, была впоследствии навязана грекам (вместе с преодолением полисной ограниченности, при которой даже грек из соседнего города считался «метеком», бесправным чужаком), а затем стала нормой, повлиявшей на культурную практику всех успешных империй. Тот

³⁰ См.: Кембриджская история древнего мира. М.: Ладомир, 2007, т. 3, ч. 3, с. 337 (англ. изд.: The Cambridge Ancient History. Second Edition. Cambridge University Press, vol. 3, p. 3, ch. 40).

же культурно-политический механизм во времена эллинизма был перенесен македонскими царями-диодохами в Азию, а позднее стал универсальным методом имперской культурной интеграции, для всех мировых держав, начиная от Рима и заканчивая Великобританией.

В географическом отношении Великая персидская империя представляла собой сухопутный мост между мирами-экономиками Восточного Средиземноморья, с одной стороны, Южной и Восточной Азии — с другой. Александр Македонский, завоевав эту державу, достроил «мост», включив в единое политическое пространство греческий мир на Западе и берега Инда на Востоке (иными словами, сделал то, что не удалось персидским царям Ксерксу и Дарию во время их войн против Афин и Спарты). Однако завоевания македонян, несмотря на сопровождавшие их культурные и этнические перемены на Востоке, не только не укрепили единство и взаимную связь подвластных территорий, но, напротив, привели к обрушению этого «моста». Больше того, держава Селевкидов, унаследовавшая большую часть персидской империи, сама довольно быстро распалась.

Подобный итог не может быть объяснен одной лишь ранней смертью завоевателя и последующим соперничеством его наследников — диадохов. Совершенно очевидно, что экономическая и культурная интеграция персидских владений была недостаточной для сохранения единого государства, более того, она неуклонно ослабевала. Завоевание огромной Персии скромными силами Александра Великого воспринималось как военно-политическое чудо, причем чем больше времени проходило со времен македонских походов, тем более удивительными и чудесными казались их результаты. Чудо объясняли либо полководческим гением завоевателя, либо военным превосходством его армии. Образ могучей македонской фаланги в течение длительного времени гипнотизировал историков, повторявших друг за другом, что «именно фаланга одерживала победы, прославившие Александра»³¹. Европоцентристская историческая традиция усматривала здесь и доказательство духовного и организационного превосходства «Запада» над «Азией»³².

Действительно, македонская фаланга являлась мощнейшей военной машиной. Но она была непобедима лишь при условии, что ее надежно прикрывали с флангов, а противник был не способен активно маневрировать. Важнейшие победы Александра были достигнуты благодаря действиям кавалерии, точнее — благодаря эффективному взаимодействию родов войск. Между тем противостояли македонянам отнюдь не дикие

³¹ С.А. Нефедов. Война и общество. Факторный анализ исторического процесса. История Востока. М.: Издательский дом «Территория будущего», 2008, с. 31.

³² См.: V. Davis Hanson. Why the West Has Won: Carnage and Culture from Salamis to Vietnam. London: Faber, 2001.

толпы варваров, а зачастую такие же греческие фаланги, состоявшие из служивших персам наемников. Еще задолго до похода Александра греческие отряды свободно действовали в Персии, не встречая достойного сопротивления. Ксенофонт в «Анабазисе» (или «Походе Кира» — «Κύρου ἑξήκιστος») подробно описал поход Кира Младшего во время гражданской войны, охватившей Персию. Несмотря на неудачу экспедиции, десяти-тысячный отряд греков дошел до Вавилона, а после битвы при Кунаксе сумел отступить через Армению к Трапезунту и далее на Запад в Византию, Фракию и Пергам. В Пергаме Ксенофонт, который еще в Месопотамии был избран одним из стратегов греческого войска, а во Фракии сделался его главнокомандующим, передал уцелевших солдат в распоряжение Фиброна — спартанского военачальника, собиравшего войско для ведения войны с сатрапом Фарнабазом. К тому времени, несмотря на все трудности похода, под его началом оставалось около половины армии — до 5000 человек.

Не удивительно, что персидские цари, зная о превосходстве греческих гоплитов над азиатскими отрядами, превратили греческие подразделения в основную боевую силу своей армии. Превосходство македонского войска над персидским, таким образом, отражало не столько превосходство западной организации над восточной, сколько превосходство македонской фаланги над греческой (что показало в 338 году до нашей эры сражение при Херонее). По отношению к греческому копью македонская сарисса длиной в 14 локтей (6,3 м) была как английское нарезное оружие против русского гладкоствольного ружья под Альмой.

Несмотря на техническое превосходство македонян над греками и персами, ключевым фактором их успеха было то, что и греческие полисы, и персидская империя находились ко времени похода Александра в глубочайшем упадке. Это прекрасно сознавал уже Филипп II, отец Александра, начавший готовить большой поход на Восток сразу же после подчинения Греции.

Однако те же факторы, что обеспечили легкость македонского завоевания, предопределили и непрочность созданной империи. Вместо того чтобы подчинить Персию себе, македонские победители лишь ускорили ее обрушение. Слабость связи и отсутствие взаимной экономической потребности между средиземноморским миром и обществами Индии, Китая, Южной Азии сделали великую македонскую империю ненужной и невозможной. По мере того, как уходит в прошлое представление об абсолютном культурном превосходстве Запада, обнаруживается, что победы Александра Македонского были скорее завершающим этапом распада персидской державы, нежели основанием новой мировой империи. «Нельзя воспринимать деятельность Александра Великого и его преемников, греков и македонцев, на Востоке как несущую исключительно

прогресс и процветание так называемым варварам», отмечает российский историк А.А. Попов³³. Походы греко-македонской армии сопровождались значительным разрушением производительных сил в Центральной Азии, и даже последовавший за этим экономический подъем, связанный с греческой колонизацией и созданием полисов, не привели к становлению единого экономического пространства на огромной территории от Инда до Нила, оказавшейся под властью сначала Александра, а затем диодохов. Распад Македонской державы превосходно свидетельствует против «ревизионистских» версий «миросистемной теории», пытающихся представить мировую экономику как единое целое уже в древности. Средиземноморский экономический мир нуждался для своего развития и консолидации в землях Передней Азии, Египта и Анатолии. Это было достигнуто благодаря завоеваниям Александра. Не удивительно, что именно на данных территориях культурное и политическое наследие эллинизма оказалось прочным и долговечным, готовя государственное объединение под властью Рима, тогда как в более восточных землях оно постепенно сошло на нет. Причина тому не в географической отдаленности, а в слабости экономических связей. После распада империи Александра греческое присутствие было очень сильно в Бактрии, но объективные обстоятельства заставляли ее правителей больше интересоваться делами Индии, нежели Эллады или даже Вавилона.

Греческое царство в Бактрии отделилось от державы Селевкидов в 250 году до нашей эры одновременно с Парфией и превратилось в могущественную державу, контролировавшую большую часть Центральной Азии — нынешних Афганистана, Узбекистана и Туркмении. В 190 году бактрийский царь Деметрий совершил поход на юг, начав завоевание Северо-Западной Индии, где быстро распространялось греческое влияние. Как отмечал Страбон, правители Бактрии «приобрели такое могущество, что стали владыками не только Арианы, но, по словам Аполлодора из Артемиды, также и в Индии; они подчинили себе больше племен, чем Александр»³⁴. Однако последний бросок на юг для греков закончился распадом единой бактрийской державы. На северо-западе Индии возникли две соперничающие эллинистические династии.

Само по себе существование греко-индийских эллинистических государств является наглядным опровержением идей о закрытых и самодостаточных цивилизациях, живущих собственной изолированной жизнью. Археологические находки на территории древней Бактрии демонстрируют смешение александрийских, сирийских, индийских и греческих произведений искусства, тут же присутствуют китайские лакированные изделия.

³³ А.А. Попов. Греко-Бактрийское царство. СПб.: Изд-во С.-Петербургского ун-та, 2008, с. 223.

³⁴ Цит. по: Там же, с. 145.

Держава греческого царя Менандра, вошедшего в индийскую традицию под именем Милинды, оказалась одним из центров развития буддизма, а сам царь в индийской традиции превратился в «легендарную личность, подобную самому Будде»³⁵. Буддийские тексты изображают его «мудрым и внимательным собеседником буддийского монаха Нагасены»³⁶. На основе их бесед сложилось одно из классических произведений буддизма «Милиндапаньха» («Вопросы Менандра»). Остается открытым вопрос, принял ли сам царь в конечном счете буддизм, но вне всякого сомнения он покровительствовал его сторонникам, стремясь укрепить свое политическое влияние в Индии. Если для мыслителей начала XXI века аристотелевская логика и восточный менталитет представляют собой два диаметрально противоположных подхода к жизни, то для людей эллинистической эпохи они были лишь двумя взаимодополняющими источниками мудрости — ведь в то время еще не придумали теорию цивилизаций, предполагающую подобную несовместимость.

Однако как эллинистическая Бактрия, так и индо-греческие царства разрушились, почти не оставив следов, кроме археологических. Впоследствии историки находили следы греческого влияния в монетной чеканке, технике обработки камня и даже в индийской философии³⁷. Однако в целом разрыв связей между Средней Азией и Индией в III–XII веках предопределил и «вымывание» античной традиции в местной культуре.

Далеко не всем империям удавалось превратиться в единое хозяйственное пространство. Существование развитых экономических связей между ее основными частями было важнейшим условием, от которого в конечном счете зависело выживание этого государства. Крах эллинистических держав на Среднем Востоке свидетельствует о том, что несмотря на развитие межрегиональной торговли, здесь не было единой экономики, устойчивого разделения труда и неразрывной связи между регионами. Как справедливо отмечал Иманнуил Валлерстайн, сама по себе торговля еще не является доказательством экономической интеграции. Торговля излишками позволяет нескольким экономикам существовать бок о бок друг с другом, влиять друг на друга, никоим образом не становясь единым целым.

Разумеется, торговые связи между Востоком и Западом не прерывались никогда. Но они не были существенны для воспроизводства той или другой системы. Некоторые удачные заимствования сохранялись. Так аттический монетный стандарт продолжал существовать на территории Индии и Центральной Азии спустя долгие годы после того, как там исчезли следы греческой цивилизации, а сами Афины превратились

³⁵ История мира. Древний мир, с. 376.

³⁶ А.А. Попов. Цит. соч., с. 96.

³⁷ См.: История мира. Древний мир, с. 377.

из мирового центра в заштатный провинциальный город. Точно так же греческий алфавит продолжал использоваться в этих краях еще целую тысячу лет, пока не был вытеснен арабским.

В то время как единое политическое и экономическое пространство распадалось на Востоке, на Западе происходила консолидация. Первоначально Карфаген, по мнению историков, «в большей степени был озабочен формированием торговых сетей, чем созданием империи»³⁸. Однако логика торговой экспансии неминуемо вела к экспансии политической. Борьба Рима и Карфагена за господство над западной частью Средиземноморья оказывается прологом к возникновению новой империи, объединяющей под властью единой державы Италию и Северную Африку, Испанию и Египет, Британию и Сирию.

Если кто-то в Западном Средиземноморье и пытался в древности заложить основы будущей мироэкономики, то это были не римляне, а карфагеняне. Они не только осваивали новые торговые пути, но и вовлекали в регулярный обмен ресурсы, ранее недоступные — народы находившиеся за пределами привычной ойкумены. Еще Геродот упоминает торговлю, которую вели пунийцы за Геркулесовыми Столпами в Африке. В обмен на средиземноморские товары, местные жители поставляли золото, которое, по мнению позднейших историков, привозили «из Западного Судана путем, известным позже, в эпоху арабской торговли»³⁹. Это было то самое золото, в поисках которого полторы тысячи лет спустя португальцы предприняли свои путешествия вдоль западного побережья Африки.

Архивы Карфагена погибли в огне Третьей Пунической войны, что представляет собой невосполнимую утрату для историков, которые не только должны теперь смотреть на финикийское общество глазами его врагов, но не имеют уже и полной картины истории Средиземноморья в целом, включая историю самих греков и римлян⁴⁰. Остается только на-

³⁸ Э. Дриди. Карфаген и Пунический мир. М.: Вече, 2009, с. 76.

³⁹ История, социология, культура народов Африки. Статьи польских ученых. М.: Наука, 1974, с. 47.

⁴⁰ Показателем того, насколько слабо современная историография представляет себе развитие Карфагена, можно судить по многотомной «Истории мира», подготовленной издательством «Lagousse». Четко соблюдая принцип равенства культур, авторы дают описание мировых событий в строгом хронологическом порядке, перемежая сообщения о греках и римлянах отчетами о событиях, происходивших в Китае и Индии, о жизни ольмеков и развитии цивилизации в Африке. Однако даже при таком подходе история Карфагена, насчитывавшая несколько столетий, не удостоилась отдельной главы, он упоминается исключительно в связи с его борьбой против Рима. В течение XX века археологические исследования позволили несколько дополнить картину, но, как признает французский историк Эди Дриди, враждебные пуническому миру греко-римские авторы остаются основными источниками, «если мы не хотим свести историю Карфагена к скупым отчетам о проведенных раскопках и к изучению отдельных предметов» (Э. Дриди. Цит. соч., с. 10).

деяться на какие-либо новые археологические открытия в Северной Африке, которые хоть немного исправят положение.

Однако даже по отрывочным сведениям из римских источников (к тому же явно искаженных в духе военной пропаганды) можно сделать вывод, что политическая структура двух соперничающих государств была весьма схожей. Как римская держава в Италии на первых порах представляла собой неравноправную федерацию городов и территорий, где полноценными гражданами были только жители Рима, так и Карфагенское государство объединяло граждан полиса с союзниками и подданными, имевшими более низкий статус. И там и тут мы видим острую борьбу партий, восстания городских низов и господство олигархии в Сенате. Два карфагенских шофета в точности соответствуют двум римским консулам (в качестве системы сдержек и противовесов закон требовал, чтобы эти должности не могли одновременно исполнять два представителя одного и того же рода).

Впрочем, Римская республика, скорее всего, была действительно демократичнее, что позволяло ей создать армию на основе всеобщей воинской обязанности граждан. В Карфагене, где уровень социального расслоения и соответственно острота конфликта между верхами и низами были значительно выше, правящие круги такого себе позволить не могли и воевали с помощью наемной армии. Само по себе это лишь свидетельствует о том, что пуническое общество опережало Рим по своему развитию (ведь там с течением времени произошло ровно то же самое). Однако Римская держава столкнулась с подобными проблемами не только позднее, но в тот момент, когда империя уже обладала достаточными ресурсами для их решения. Карфаген, разрываемый социальными противоречиями, борьбы со сравнительно консолидированным римским обществом не выдержал. Даже полководческий гений Ганнибала не мог изменить того факта, что карфагеняне не могли в случае неудачи выставлять одну за другой новые армии на замену разгромленных, тогда как Рим — мог.

КРАХ И ВОЗРОЖДЕНИЕ ЗАПАДА

Римская эпоха представляет собой время бурного расцвета рыночной экономики. Некоторые исследователи даже находили в Древнем Риме своего рода античный «капитализм». Однако это была рыночная экономика с ограниченным накоплением капитала, а главное — без свободного найма рабочей силы.

Разумеется, найм работников практиковался, о чем мы можем найти изрядное количество свидетельств, начиная с латинских текстов и заканчивая Библией. Однако наемный труд не был основой массового производства. Полноценная рыночная экономика требует превраще-

ния рабочей силы в товар, но только европейский капитализм смог решить эту проблему, не превращая в товар самого человека. Античный рынок рабочей силы был рынком рабов. Окончание наступательных войн и стабилизация империи означали одновременно сокращение потока рабов и постепенное ослабление экономической основы державы. Но и вести наступательные войны бесконечно не было никакой возможности. Территория империи достигла своего естественного предела, объединив все пространство Средиземноморья с Галлией и Британией, которые уже в финикийскую эпоху были связаны с ним поставками сырья, а также с Причерноморьем, являвшимся поставщиком продовольствия. Экономическая интеграция единого пространства была достигнута в максимально возможных пределах (в течение короткого времени римляне контролировали даже Вавилон), но именно это делало крайне затруднительной и дорогостоящей дальнейшую экспансию, выходящую за границы привычного мира.

Хотя в период III–IV веков можно наблюдать постепенную варваризацию Рима, одновременно происходит и распространение античной цивилизации на варварские племена, находившиеся за пределами империи. Однако уже к концу IV века ситуация меняется. С одной стороны, Рим продолжает варваризироваться, но с другой стороны, происходит и явное одичание самого варварского мира. Связано это как с деградацией римского общества и цивилизации, так и с мощным натиском гуннов и других кочевых народов с Востока, разрушающих общество готов и приводящих весь варварский мир к востоку от империи в состояние катастрофической нестабильности. Вообще основной удар гуннов пришелся не по Риму, а как раз по другим варварам.

В результате мы видим откровенный упадок именно варварского общества: племена, жившие торговлей и земледелием, превращаются в кочевников или полукочевников, государственные порядки рушатся, уступая место военной организации банд и племен. Варвары к IV веку во многом достигли того же уровня, что был у римлян и греков на пороге их классической истории, например, у готов было вполне упорядоченное государство, но оно уничтожено гуннами.

Деградация гражданских институтов Рима привела, как известно, к варваризации армии. Причем показательно, что римляне набирали в свои легионы и вспомогательные подразделения именно наиболее диких и свирепых варваров (тех же гуннов, например). В итоге «римские» армии, во-первых, были уже не особенно римскими и во многом оказывались ближе к варварскому обществу по ту сторону границы, чем к собственному обществу. А во-вторых, возник разрыв между военной организацией, становившейся откровенно варварской и гражданской организацией, которая оставалась римской. Варварам позволялось достигать высоких по-

стов в военной иерархии, но их категорически не пускали в гражданские институты империи. При этом, однако, гражданские институты постоянно слабели, а значение военной организации усиливалось. В итоге оставалось только достроить систему политически, подчинив гражданские институты военным, что и произошло при Одоакре и Теодорихе. Причем сохранилась та же система двойной администрации, только под политическим контролем варварских вождей, сменивших западных римских императоров. Та же система, которую Одоакр и Теодорих установили в Италии, с меньшим успехом воспроизводилась в других варварских королевствах к концу V века и Галлии. Иными словами, появление варварских королевств было результатом постепенной эволюции римского государства и даже итогом внутреннего военного переворота не в меньшей (а возможно, и в большей) степени, нежели завоевания.

В военном отношении варварские нашествия представляют собой несколько затяжных военных кампаний, развивавшихся по общей логике. Римская оборона была построена в два эшелона. Первую линию составляли крепости и защитные валы вдоль Рейна и Дуная — *limes*, своего рода «линия Мажино» древности. Правда к V веку на некоторых, менее опасных участках сплошную систему укреплений сменили отдельными крепостями, например, в районе Кельна. Причем расчет был верным — именно в этой зоне, населенной франками, вплоть до окончательного падения Рима было сравнительно спокойно. Вторжения и набеги происходили и тут, но не представляли для империи стратегической угрозы.

Вторую линию составляли три мобильные армии, в основном варварские, но сохранявшие боеспособность и лояльность империи вплоть до самого переворота Одоакра. Эти армии должны были наносить удары по варварским отрядам в случае прорыва через *limes*. Третьего эшелона не было (уже не было ресурсов) и это оказалось для Западной империи роковым.

Балканская армия действовала относительно успешно в значительной мере потому, что гористый рельеф местности сковывал свободу маневра вторгающихся сил даже в случае прорыва через *limes*. Основную проблему составляли готы, которые, как известно, через *limes* не прорывались, а были переправлены на южный берег Дуная самими римлянами, когда готское государство было разгромлено гуннами. Лояльность была подорвана безответственной политикой по отношению к ним, которую проводили чиновники империи, но впоследствии главная забота Константинополя состояла в том, чтобы перенаправить активность готов на Запад, что в конечном счете и удалось. Благодаря этому Восточная империя выжила.

Напротив, западные армии, действовавшие в равнинной зоне, не смогли сдержать натиск варваров. После прорыва *limes* 31 декабря 406 года варварские отряды ударили «в стык» между двумя римскими армиями

и пройдя между ними устремились на юго-запад, вплоть до Испании и Африки. Северная римская армия была блокирована в Северной Галлии, а итальянская армия римлян удерживала рубеж вдоль Альп. Причем довольно успешно. Отдельные прорывы, конечно, были, но крупных завоевательных походов не было. Готы Теодориха пришли с Востока при поддержке византийцев уже после переворота Одоакра. Вандалы в Рим прибыли с юга из Африки. Разгром Рима вандалами стал нарицательным именно потому, что эта атака явно не преследовала никакой иной цели кроме грабежа. Позднее Теодорих долго и добросовестно восстанавливал «вечный город», но все было опять разрушено после его смерти во время войн Велизария против готов. Лангобарды пришли с севера по приглашению самих византийцев, которые упорно не могли справиться с готами. Таким образом, альпийский оборонительный рубеж оказался вполне эффективен.

В 440-е годы римлянам ненадолго удалось восстановить *limes*, хотя варвары уже хозяйничали в тылу во многих провинциях. Им предоставляли статус федератов, таким образом легализуя, причем воспроизводилась та же система двойного — военно-гражданского управления. В 451 году *limes* были вновь по тому же сценарию прорваны гуннами, которые ранее были союзниками Рима — Аэций активно привлекал их на военную службу и использовал, чтобы терроризировать других варваров.

Окончательное крушение римской цивилизации происходит не во время нашествий, а в течение 50–70 лет после них, когда распад империи вызывает утрату хозяйственных связей между регионами и экономический упадок Запада. Окончательный удар ему наносят «освободительные» войны Юстиниана, который, несмотря на полководческий талант Велизария, не смог сходу завоевать Италию и сверг ее в многолетнюю разорительную войну. Итогом оказался окончательный упадок не только Италии, но и других связанных с ней регионов Запада. Ранее Италия выступала главным рынком сбыта и центром обмена для западных провинций. Ее разорение привело к тому, что даже относительно спокойные территории не могли развиваться. Их экономика, лишенная внешних рынков, падала, производство разрушалось, города приходили в упадок.

ВАРВАРСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

Экономический и культурный упадок Запада, наступивший после падения Римской империи был вызван отнюдь не военными разрушениями и не дикостью варваров, завладевших бывшими римскими провинциями. Напротив, варварские вожди и их окружение были хорошо знакомы с латинской цивилизацией, стремились использовать ее институты и обычаи, а некоторые, подобно Теодориху Великому, даже прилагали целенаправленные усилия, чтобы восстановить ее в былом бле-

ске. Главной причиной упадка был распад хозяйственных связей между провинциями бывшей империи, последовавший за разрушением ее политического единства. По словам английского историка Криса Уикхема (Chris Wickham), произошедшее в Западной Римской империи во многом схоже «с падением Советского Союза». После распада единого государства на составные части «каждая часть сохранила элементы римских социальных, экономических и политических структур, но развивала их по-своему»⁴¹. Германские короли, овладевшие римскими территориями, имитировали стиль управления, присущий поздним римским императорам, а зачастую опирались на остатки старой бюрократии. В свою очередь, латинские авторы старались «описывать германских королей очень в римском духе»⁴². Однако государства, уменьшившиеся в размерах, не могли поддерживать экономическую жизнь на прежнем уровне. «В экономике, ставшей локальной, разрушалось все, в чем ее местная инфраструктура зависела от внешних связей, так, например, прекратились поставки зерна из Африки в Рим, ушли в прошлое огромные состояния римских сенаторов»⁴³. После того как исчезла имперская централизация и сократились доходы правительства, не было ресурсов на поддержание развитой античной инфраструктуры. Дороги приходили в упадок, связи между соседними провинциями ослабевали. По мере того как приходила в упадок торговля, хирели и города, несмотря на то что на первых порах они сохраняли свои административные функции. Общество становилось все более аграрным и постепенно переходило к натуральному хозяйству. Аристократия переселялась в загородные поместья, чем еще больше усиливала деурбанизацию общества. Распад хозяйственных связей в рамках бывшего единого Средиземноморского пространства ударил по византийским торговым и ремесленным центрам, но по-настоящему тяжелые последствия он имел на Западе, где централизованное государство перестало существовать.

Период экономического упадка и политического хаоса закончился с возникновением франкской державы Карла Великого. После падения Рима в Европе была только одна империя — Византийская. Отныне на Западе опять был император. Приняв этот титул, король франков не только закрепил свои права верховенства по отношению к покоренным им племенам и народам, но и заявил о преемственности по отношению к Риму. Возрождение империи было тесно связано с идеей восстановления порядка, традиции и культуры. Эта волна экономического и культурного подъема в Западной Европе опиралась на внутренние ресурсы

⁴¹ Ch. Wickham. *Framing the Early Middle Ages: Europe and the Mediterranean, 400–800*. Oxford: Oxford University Press, 2005, p. 10.

⁴² Ibid., p. 80.

⁴³ Ibid., p. 10.

региона, политически консолидированного империей Карла Великого. Каролингское возрождение знаменует конец «Темных веков» и начало нового периода в истории Запада, который за прошедшие после краха Рима столетия еще больше отстал в своем развитии не только от Византии и возникших на Ближнем Востоке арабских обществ, но даже от образовавшейся на восточной окраине Европы Киевской Руси.

Каролингская система оказалась неустойчивой, поскольку не имела профессиональной бюрократии, опираясь на сотрудничество региональных элит, совмещавших административные функции с управлением собственными феодальными вотчинами. Как отмечает французский историк Люсьен Мюссе, «до тех пор, пока имело место продвижение вперед, у имперской власти оставались шансы на результативность. Однако она оказалась абсолютно не готова без труда давать отпор при встрече с серьезными невзгодами и неожиданными опасностями. У нее не было ни постоянной армии, ни флота, ни прочных фортификаций, ни финансов, достойных этого названия, ни даже, вероятно, подлинной поддержки со стороны народа. Ничто не убедит нас в том, что несколько сотен семейств, пользовавшихся благами режима, были в состоянии расположить к себе общество, по крайней мере пока они не имели вотчин, чтобы распределять их между своими самыми преданными друзьями. Несомненно, почти до 840 года ее верхушка была вполне способна реагировать на встававшие перед ней новые задачи. Но позднее эта способность к обновлению быстро угасла: в раздробленной империи правящий класс, целиком погрязший во внутренних конфликтах, утратил возможность предупреждать крупные внешнеполитические проблемы»⁴⁴. Достижением Каролингского режима было то, что ему удалось в сотрудничестве с Церковью «достичь нравственного объединения Запада»⁴⁵, но вскоре и это духовное единство «далекое от того, чтобы в испытаниях стать крепче, рассыпалось»⁴⁶. Новая волна варварских нашествий — викингов с Севера, сарацинов с Юга и венгров с Востока — до основания потрясла политическую и социальную систему Запада, способствуя частичной смене элит и восхождению к власти новых не-Каролингских родов (Капетингов во Франции, Оттонов в Германии).

Однако к XI веку на Западе установилось некоторое спокойствие, главным образом за счет того, что новые волны варваров, более или менее успешно интегрировались в европейскую систему, укрепив ее собственными военно-политическими институтами. Последнее из больших нашествий на Европу имело место в XIII веке, когда, пройдя как нож

⁴⁴ Л. Мюссе. Варварские нашествия на Западную Европу: волна вторая. СПб.: Евразия, 2006, с. 140–141.

⁴⁵ Там же, с. 140.

⁴⁶ Там же, с. 141.

сквозь масло через русские земли, монголы обрушились на Венгрию, Польшу, Чехию и Германию. Военные средства Запада были абсолютно недостаточными для отражения этой новой угрозы, но сама Монгольская империя уже расширилась за все возможные пределы. Нашествие не было отражено вооруженной силой, но сами захватчики повернули назад, узнав о развернувшейся в Азии междоусобной борьбе.

Новый рывок общественного развития начинается во второй половине XI века. В Западной Европе происходят процессы, революционным образом изменившие облик континента. Медленное восстановление сил, продолжавшееся на протяжении «Темных веков» и «Каролингского возрождения», сменяется динамичным развитием.

Строительные технологии теперь позволяют возводить каменные замки, причем делать это сравнительно быстро — за три-пять лет. Начинается процесс, получивший название «castellazione» (от итальянского *castello* — замок). В каменных крепостях феодалы чувствуют себя гораздо увереннее, укрепляя свой контроль над подвластным им сельским населением. Бревенчатые палисады сменяются мощными каменными стенами, высокими башнями, за которыми может разместиться свита и дружина, запасы продовольствия и арсеналы. Усилившаяся эксплуатация позволяет увеличить количество прибавочного продукта, идущего на содержание правящего класса, — теперь можно содержать не только более крупные боевые отряды, но и менестрелей, переписчиков книг, придворных ремесленников. Вокруг удачно построенных на торговых путях замков стремительно складываются города.

Таким образом, распространение технологий каменного строительства, с одной стороны, позволило феодалам не только укрепить свою власть над крестьянами, а с другой стороны, способствовало росту и укреплению городов. Город и замок воспринимаются задним числом как противостоящие друг другу, а городские жители, бюргеры считаются могильщиками феодализма. Но их противостояние относится к гораздо более позднему времени. На первых же порах мощные цитадели, построенные баронами и рыцарями, оказались центром притяжения для ремесленников и торговцев. Здесь была защита и здесь же были клиенты. А поскольку феодалы обладали еще и судебными правами, здесь можно было рассчитывать на решение спорных вопросов по закону.

Однако рост местных центров — одновременно и военных, и экономических — привел к еще большему ослаблению государства, которое и так не было ни сильным, ни эффективным. Некоторое исключение являла собой Англия после прихода Вильгельма Завоевателя. Расправившись с англо-саксонской знатью, бывший нормандский герцог сосредоточил в своих руках большую часть земли, не допуская формирования крупных феодальных вотчин. Это предопределило многие последующие успехи

английского королевства. Несмотря на то что на севере страны — у границы с Шотландией — сложились почти самостоятельные владения лордов, на которых центральное правительство свалило бремя охраны страны от опасных и воинственных соседей, с которыми шла почти непрерывная война, южная часть королевства прочно находилась под контролем центральной власти. А после завоевания Уэльса многочисленные замки строились не только как резиденции для пришедших сюда нормандских феодалов, но и как крепости для королевских гарнизонов.

Однако Англия времен Вильгельма Завоевателя и его преемников является явным исключением. Государство раннего Средневековья было, безусловно, слабым. Оно не обладало ни ресурсами, ни институтами для эффективного контроля над территорией и населением. Но это слабое государство было гораздо более централизованным или, во всяком случае, более единым, нежели королевства и империи XII–XIII веков.

Первым результатом экономического развития, радикально изменившего лицо Европы к концу XI столетия, был именно распад единого государства, — что в советской исторической науке получило название «феодальной раздробленности». Эта раздробленность возникает не в начале средневековой истории, а, напротив, в тот момент, когда Европа окончательно выходит из мрака «Темных веков», когда богатеют города, возникают первые университеты.

Натуральное хозяйство раннего Средневековья, почти не знавшее денег, исключало возможность создания сильного правительства, опирающегося на профессиональную бюрократию и регулярную армию. Но оно же делало невозможным и появление локальных центров силы, очагов развития, имеющих собственные интересы, зачастую находящиеся в противоречии с интересами королевства или соседних регионов. Изолированные друг от друга общины не слишком нуждались в государстве, но и не были ему враждебны. Возникновение ранних форм рыночного хозяйства, напротив, порождает новую ситуацию, когда неизбежны конфликты интересов, когда возникает возможность и необходимость вмешательства центральной власти, но одновременно и потребность в самостоятельности. В результате укрепление политической власти происходит на местном уровне — как правило, в противостоянии с «центром». Новые функции берут на себя региональные лидеры — князья, герцоги и бароны, — превращающиеся из представителей центральной власти на местах в самостоятельных правителей. Государство ослабевает в «центре», но формируется и консолидируется на региональном уровне.

В целом период XI–XIII веков оказался временем динамичного экономического, социального и культурного развития. Монгольское нашествие, потрясшее Восточную и Центральную Европу в первой половине XIII века, не только не остановило экономического развития континен-

та, но и придало ему к середине столетия новый импульс. «Огромная Монгольская империя объединила всю Великую Степь, и это позволило проложить новую трассу Великого Шелкового пути — прямо по степи от Каракорума через Сарай к портам Крыма. Тысячи запряженных верблюдами огромных повозок с шелком, фарфором и другими товарами двигались по этому пути от одного караван-сарая к другому. В порту Кафы товары погружали на итальянские суда, развившие их по всему Средиземноморью», — пишет историк С.А. Нефедов⁴⁷. Торговые пути стали безопасными и хорошо организованными, товарные потоки сопровождалась передачей технологий и информации с Востока на Запад. «Установление прочных государственных и торговых связей привело к распространению культурных достижений китайской цивилизации, тех великих открытий, которые долгое время определяли культурное превосходство Китая над Европой»⁴⁸. Среди открытий, которые стали доступны европейцам, была технология чугунного литья, порох и многое другое.

Население Западной Европы заметно растет, причем увеличение численности людей опережает рост производительности труда в сельском хозяйстве. Свободные земли в Западной Европе почти все распаханы (если не считать малого количества заповедных лесов, которые теперь феодалы вынуждены тщательно оберегать в качестве своих охотничьих угодий⁴⁹). Но «демографический взрыв» затрагивает не только низы общества. В феодальных семействах появляется изрядное число младших братьев, не имеющих шансов получить по наследству ни титулов, ни земель. Нет еще аппарата центрального правительства, куда всю эту массу ищущих карьеры молодых людей можно было бы пристроить. Единственный шанс получить статус и земли — «взять на меч». Но междоусобные войны становятся слишком трудным делом из-за появления каменных крепостей. Силами мелкого феодального отряда не возьмешь даже небольшой замок соседа. Местные князья становятся центром мини-государств, между которыми возникает неустойчивое равновесие.

Западной Европе становится тесно в своих прежних пределах. Начинается экспансия, обоснованная идеологически в виде борьбы с неверными. Эта экспансия идет в трех направлениях. На Юго-Западе, в

⁴⁷ С.А. Нефедов. История России. Факторный анализ. Екатеринбург, 2009, т. 1, с. 102.

⁴⁸ Там же, с. 99.

⁴⁹ Легко заметить, что баллады о Робине Гуде отражают не просто социальный конфликт средневекового английского общества, но и совершенно конкретное противостояние между сельским населением и правящим классом на почве «права охоты».

Испании, разворачивается Реконкиста. В Восточном Средиземноморье начинается эра Крестовых походов. На Северо-Востоке немецкие феодальные армии подавляют сопротивление поморских славян и расширяют Германию на Восток. К началу XIII века Крестовые походы в северо-восточном направлении организуют датчане и шведы⁵⁰.

РАСШИРЕНИЕ ЗАПАДА

Успех Первого Крестового похода был ошеломляющий. За несколько лет были отвоеваны самые богатые и густонаселенные провинции Ближнего Востока, ведущие торговые города. Крестоносные государства захватили не только почти все деловые центры региона, но и значительную часть плодородных земель — узкие приморские пространства Палестины, Леванта и Сирии имели куда большую ценность, чем пески Аравийской пустыни. Однако успех крестоносцев предопределил и их последующие трудности. Позднейшие историки неоднократно отмечали неспособность крестоносных правителей наладить отношения на территории своих королевств не только со своими мусульманскими подданными и евреями, но даже с православными (восточными) христианами. Объясняли это обычно религиозным фанатизмом и феодальным высокомерием. Хотя и то и другое, несомненно, имело место, была и причина гораздо более глубокая и более роковая. Западная Европа нуждалась в новых землях для колонизации: феодальной, крестьянской, купеческой. Без этого христианские правители на Ближнем Востоке не получили бы поддержку Западной Европы. Но чем больше они поощряли колонизацию, чем больше опирались на узкий и медленно растущий слой переселенцев, тесня коренных жителей, тем больше вступали в конфликт с местным населением — многочисленным, хорошо организованным и более культурным, чем выходцы из все еще отсталых стран Запада. В такой ситуации крах крестоносных государств оказывался неизбежен, несмотря на их первоначальное военное превосходство. К концу XIII века, когда демографическое давление со стороны Европы ослабло, положение крестоносцев на Востоке стало отчаянным.

Это отнюдь не означает, будто экспансия Запада сошла на нет. Как раз наоборот. Крестовые походы, ознакомившие европейцев с новыми технологиями, давшие импульс торговле и ремеслам, сделали эту экспансию еще более масштабной. Но теперь расширение Западной Европы шло сразу по нескольким направлениям. Германия росла за счет завоевания земель западных славян, а затем Крестовых походов, орга-

⁵⁰ Кстати, сами участники событий прекрасно понимали связь между тем, что происходило на берегах Балтики, в Испании и в Палестине. См.: Крестоносцы и Русь. Конец XII–1270 г. М.: Индрик, 2002.

низованных Тевтонским и Ливонским рыцарскими орденами на Балтику. Короли Дании и Швеции покоряли Эстонию и Финляндию (позднее эстонские владения датчан перешли к Ливонскому ордену). Кастильские, Арагонские и Португальские короли вытесняли арабов из Испании. Одновременно продолжается рост городов и формирование королевских бюрократий. Все чаще амбициозные феодальные лидеры предпочитают государственную службу дальним походам на Восток, а обеты об участии в Крестовом походе остаются невыполненными⁵¹. Крестоносные мероприятия становятся делом, интересующим главным образом Рим и отчасти французскую аристократию, связанную родственными и феодальными узами с домами, сохраняющими позиции в Святой Земле. Материальная и демографическая база крестоносного движения стремительно сужается. Могущественный Орден тамплиеров предпочитает заниматься финансовыми операциями на Западе (из-за чего в конечном счете и был уничтожен позарившимися на его доходы французским королем). Орден госпитальеров продолжает воевать на Востоке вплоть до 20-х годов XVI века, но его главной заботой становится защита морских путей для европейской торговли.

С 1248 по 1254 год французский король Людовик Святой предпринимает Седьмой Крестовый поход в Египет. Планировалось, захватив здесь важные территории, позднее обменять их на Иерусалим. Начало похода ознаменовалось блистательными успехами, но самоуверенность рыцарей и разногласия между крестоносцами помешали вовремя заключить мир, осуществив первоначальный план. В итоге крестоносцы, не имевшие надежного тыла, потерпели поражение. Новый поход, предпринятый в 1270 году Людовиком, завершился столь же плачевно, а сам король нашел смерть под Тунисом.

Важной движущей силой Крестовых походов и Реконкисты был земельный голод мелкого дворянства. Это движение находило свою политическую и организационную форму в значительной мере вне государства, через создание экстерриториальных духовно-рыцарских орденов. Подобные ордена конституировались при поддержке католической церкви и обладали значительной политической самостоятельностью. Однако в XIV веке изменившаяся демографическая ситуация в Европе привела к тому, что внешняя экспансия западного мира выдохлась. Эпидемия чумы окончательно изменила демографическую картину Запада, которая, впрочем, начала меняться уже раньше. В новой ситуации оказался неизбежным крах крестоносных государств в Святой Земле, а Реконкиста в

⁵¹ Характерно, что основатель английского парламента французский аристократ Симон де Монфор, уже «приняв Крест» (то есть пообещав Папе участие в Крестовом походе), предпочел исполнению обета карьере администратора и политического лидера в Гаскони и Англии.

Испании приостановилась до конца XV века, дав возможность арабскому владычеству сохраниться в Гренаде еще на целую эпоху. В Прибалтике, где все «языческие» земли были уже завоеваны, установилось относительное спокойствие, а в Литве понемногу распространялось христианство. Рыцари Ливонского ордена переходят от военных столкновений с Новгородом к политике мирного сосуществования. То же относится и к отношениям Новгорода со Швецией (приграничные конфликты в Финляндии замирают на сто с лишним лет). Натиск германских рыцарей на Литву постепенно ослабевает, а после поражения в битве при Грюнвальде они сами становятся обороняющейся стороной и в конечном счете превращаются в вассалов Польско-Литовского королевства.

Соответственно приходят в упадок и рыцарские ордена. Расправу, которую учинили во Франции над тамплиерами, принято объяснять преимущественно как результат жадности королевской власти, стремившейся присвоить богатства ордена. Что, конечно, имело место. Однако разгром тамплиеров представляет собой лишь часть более общего процесса укрепления территориального государства, постепенно преодолевающего сопротивление экстерриториальных структур Средневековья. Тамплиеры стояли поперек горла не только королевской власти, но и городской буржуазии, формируя собственные феодальные финансовые сети, конкурировавшие с развивающимся городским торгово-финансовым капиталом. В то время как обвиненных в ереси тамплиеров отправляли на костры во Франции, кастильские и арагонские короли вели длительную борьбу за подчинение рыцарских орденов своему контролю. Эта борьба завершилась успехом в XV веке. Напротив, немецкие ордена сами превратились в обычное территориальное государство под покровительством «Священной Римской империи».

В конце XIV века крестоносная агитация порождает последний всплеск рыцарского энтузиазма. Но после того как эпидемия чумы радикально изменила социально-демографическую ситуацию Европы, Крестовые походы стали делом и вовсе безнадежным, несмотря на призывы Святого Престола, пытавшегося возродить крестоносное движение для борьбы с Османской Турцией. К несчастью, османская угроза всерьез волнует только итальянские торговые республики, теряющие контроль над восточным Средиземноморьем. В самом конце XIV века европейские феодальные армии последний раз отправляются на Восток, отвечая на призывы Святого Престола и купеческих городов Италии. Итогом этого похода была Никопольская катастрофа 25 сентября 1396 года. Армия Сигизмунда Люксембургского (короля Венгрии, а впоследствии Германского императора), состоявшая из венгров, французов, англичан, немцев, испанцев, итальянцев и чехов, потерпела сокрушительное поражение от войск турецкого султана Баязида I Молниеносного (Bayezid I), на стороне которого сражались также отряды сербского короля Стефана.

Накануне сражения военный совет, собранный Сигизмундом, до хрипоты спорил о том, кто больше достоин первым начать сражение, а утром французские рыцари вышли из лагеря и, не дождавшись других отрядов, атаковали османов. Франко-бургундская тяжелая конница обратила в бегство авангард турок, но оторвалась от своих главных сил и была окружена янычарами. Остальные европейские войска, бросившиеся ей на помощь, ничего не могли сделать и сами были обращены в бегство. Большая часть французских рыцарей, участвовавших в первой атаке, была истреблена, пленных турки не брали, кроме 300 наиболее знатных вельмож, за которых потом был получен богатый выкуп. Разгром был полный — господство османов над Балканским полуостровом стало неоспоримым политическим фактом на несколько веков, а окончательное падение Византии оказалось отсрочено на половину столетия лишь из-за того, что сам Баязид вскоре потерпел на Востоке поражение от войск другого великого завоевателя — Тамерлана.

Поражение рыцарей, нанесенное хорошо вооруженной и организованной турецкой пехотой, было вполне закономерно, вставая в один ряд с другими военными фактами — сражениями при Куртрэ, Креси и Пуатье. Но даже если бы Никопольская битва и закончилась не разгромом, а триумфом европейского рыцарства, у феодального Запада сил, чтобы закрепить успех, все равно не было.

Совсем иначе складывалась ситуация на Востоке Европы. Плотность населения была изначально меньше, свободных земель значительно больше. Угро-финские, славянские и балтийские племена, на которых велось наступление, в техническом и политическом отношении отставали от крестоносцев на целую эпоху. Не удивительно, что даже сравнительно меньшими силами завоевателям здесь удавалось добиться более прочных результатов. А близость расстояния до метрополии создавала благоприятные условия для растущего потока колонистов именно в этом направлении. Немецкие феодалы все меньше интереса проявляли к Палестине, куда их отчаянно призывали отправиться Римские Папы, зато по мере нарастания успехов на Северо-Востоке действовали здесь все активнее.

Происходящие здесь процессы официальные русские историки в XIX и XX веках характеризовали как проявление немецкой или крестоносной агрессии против Руси. Даже в книгах, опубликованных в XXI веке, продолжает повторяться тезис про «попытки навязать Руси католицизм»⁵² и про то, что крестоносцы «замышляли захват новгородских земель»⁵³.

⁵² П.Г. Дейниченко. Россия. Полный энциклопедический справочник. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2001, с. 36 – 38.

⁵³ См.: История России с древнейших времен до конца XVII в. М.: АСТ, 1996. С. 249–50.

В свою очередь, консервативные немецкие историки писали про цивилизаторскую миссию, которую взяли на себя германские проповедники и рыцари. Впрочем, в этом с ними готовы солидаризироваться и некоторые представители российского западничества. «Если немцы приходили в эти края торговать, проповедовать христианство и просвещать, — пишет Александр Нестеренко, — то русские грабить и получать дань»⁵⁴.

Между тем целью шведских Крестовых походов в Финляндию, датских завоеваний и войн немецких рыцарей были не русские земли, а заполнение политического и экономического «вакуума» в Северо-Восточной Европе. Другое дело, что с точки зрения новгородцев и псковичей эти действия воспринимались, по меньшей мере, как крайне опасные. Восточную часть нынешних Латвии и Эстонии новгородцы, псковичи и князя Полоцка традиционно рассматривали как свою сферу влияния. С приходом немцев рушилось привычное равновесие. И не только политическое, но прежде всего экономическое.

Варяги и новгородцы совместно или попеременно облагали данью финские и балтийские племена, совместно контролировали акваторию Восточной Балтики и не видели серьезных причин для соперничества. В XIII веке здесь не просто появляются немецкие купцы — на Балтике разворачивается настоящая революция в мореплавании, радикально изменившая общее соотношение сил.

На место славянско-варяжским ладьям приходит глубоководный немецкий парусник «ког» (Kogge). О том, какое значение имели эти корабли для современников и какое потрясающее впечатление на них производили, можно судить по гербам приморских городов и их печатям — почти всюду на них красуется изображение этого парусника.

Резко увеличилось водоизмещение судов, а вместе с тем и их грузоподъемность. Увеличилась и скорость. Ладьи новгородцев и варягов плавали в основном вдоль берегов. Вообще-то ладьи были очень хорошими судами. Саги сообщают о дальних путешествиях викингов — к берегам Исландии, Гренландии и даже в Винланд (нынешнюю Северную Америку). Но то были не торговые рейсы. Для дальних плаваний нужен запас провизии и пресной воды, которую можно загрузить лишь за счет уменьшения количества перевозимого груза. Ладьи с товарами от берега далеко отойти не могли. Ког, напротив, был в состоянии выбирать оптимальный маршрут, ориентируясь по солнцу и по звездам в хорошо изученной балтийской акватории.

Союз городов, вошедший в историю как Немецкая Ганза, был создан по инициативе купцов из Любека — города, построенного на отвоеванных у западных славян землях.

⁵⁴ А. Нестеренко. Александр Невский. Кто победил в Ледовом побоище. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006, с. 125.

В 1241 году портовые города Гамбург и Любек заключили между собой союз, который лег в основание Немецкой Ганзы. Шесть лет спустя к ним присоединился Брауншвейг, а затем Бремен. Столицей Ганзы стал Любек, где раз в три года собирались союзные сеймы и хранился архив. К началу XIV века в состав союза вошло 85 городов, объединившихся в четыре округа. Ганзейские конторы открыты были в Лондоне, Брюгге, Бергене и Новгороде — соответственно основным рынкам, где велась внешняя торговля союза.

Пять веков спустя немецкие романтические историки с восторгом описывают могущество и богатство Ганзы. «Уже в XIV в. Ганза заняла такое положение, которое по своему фактическому значению далеко превосходило положение тогдашней германской империи. Союз господствовал над всем Севером торговлей и оружием, подчинил себе королей Норвегии, Швеции и Дании, раздавал и отбирал короны. То, что теперь превратилось в мечту патриотических сердец — германский военный флот — было в то время действительностью. Военный флаг Ганзы победоносно развевался на морях и, точно так же, как она очищала от разбойников и различных нарушителей земского мира границы своей обширной территории, она очищала и море от пиратов, в особенности же от страшного союза морских разбойников, известного под именем Виталиева братства, члены которого играли в Средние века роль позднейших флибустьеров. Ее цивилизующее влияние обнаружилось также в проведении дорог и прорытии каналов, а по этим двум отраслям в Средние века не делалось почти ничего»⁵⁵.

Описывая торговые успехи Ганзы, французский историк Эрнест Лависс замечает, что «не следует забывать и о селедке»⁵⁶. Ловля и засол рыбы были не только важнейшей отраслью производственной деятельности немецких городов, но и серьезным фактором их военно-политической деятельности: «сельдь тоже была важным историческим лицом, очень своенравного характера, и ее причуды не раз до глубины души волновали весь северный мир и стоили жизни тысячам людей. До конца XII в. она шла вдоль померанских берегов, где ее было такое множество, что стоило бросить в море корзинку, и она оказывалась полна рыбы. Тогда возвысились Любек, Васмар, Росток и Штральзунд. В XIII в. рыба изменила путь, пошла мимо Шонена и норвежских берегов; северные моряки последовали за ней, и ганзейцы, дав ряд сражений англичанам, шотландцам и голландцам, разрушив множество датских крепостей и пустив ко дну немало иностранных кораблей, удержали за собой поле битвы»⁵⁷.

⁵⁵ И. Шерр. Германия. Цивилизация за 2000 лет. Минск: МФЦП. Т. 1, с. 294.

⁵⁶ Э. Лависс. Очерки по истории Пруссии. М.: УРСС, 2003, с. 138.

⁵⁷ Там же.

Двигаясь на Восток немецкие купцы быстро вытеснили с Балтики скандинавских конкурентов (вскоре в торговых городах Швеции, Дании и Норвегии значительная часть торговых контор принадлежали немцам) и столкнулись с Новгородом. Нестеренко неоднократно повторяет, что только после ряда войн новгородцы, наконец, поняли, что торговать выгоднее, чем воевать. Между тем не нужно глубокого знания истории, чтобы понять, что новгородские купцы догадывались об этом заранее. Но не случайно голландские теоретики XVII века писали, что торговля и война неразделимы. Ведь торговля — не только обмен товарами, но и конкуренция.

Новгородцы проигрывали как технологически, так и географически. Корабли, аналогичные «Kogge», можно было, в конце концов, построить. Позднейшие суда русских поморов не сильно отличались от немецких кораблей Средневековья. Но для обслуживания нового флота нужны были морские гавани. А все русские торговые города стояли на берегах рек. Во времена, когда флот состоял из ладей, так было даже удобнее. Но теперь все изменилось. Водоизмещение немецких судов давало им возможность входить в реки. Однако для хорошего порта нужны большая гавань и удобный рейд, позволяющие обслуживать большое число кораблей в короткий срок. Ни Новгород, ни Псков такими возможностями не обладали. Зато у основанного датчанами Ревеля был превосходный рейд. По той же причине не стали шведы отстраивать разоренную набегом балтов старую столицу Сигтуну (Sigtuna), стоявшую на озере, а построили вместо нее город Стокгольм на берегу моря⁵⁸.

Технически выход к морю был и у новгородцев. Но хорошей гавани на берегах Невы не было, местá были гиблые, болотистые. Даже в XVIII веке, когда Петр Великий, пользуясь уже совершенно другими технологиями, построил здесь Петербург, наладить нормальную жизнь и торговлю долго не удавалось. А петербургский порт, несмотря на огромные усилия царей, проигрывал Риге.

Однако даже на пике своего могущества ганзейские города нуждались в поддержке территориальных государств. Соперничая с датчанами, они установили тесные связи со шведскими королями, а на южных бере-

⁵⁸ Разгром Сигтуны, судя по всему, был совершен совместными силами балтов и новгородцев. Трофейные ворота из шведской столицы по сей день украшают западный вход Софийского собора в Великом Новгороде, но большинство историков считают этот объект позднейшей подделкой. Вообще любопытно, что центры цивилизации гибнут от варварских набегов лишь в том случае, если уже до того находятся в упадке. В противном случае они либо успешно отбиваются от варваров (используя преимущество в технике и организации), либо быстро восстанавливаются, «побеждая победителей» за счет культурного превосходства. Точно так же печенеги, а затем половцы постепенно перешли от набегов к защите внешних рубежей Руси.

гах Балтики их интересы готовы были отстаивать рыцари Тевтонского и Ливонского орденов, создавшие на завоеванных у местных язычников землях собственное военно-религиозное государство под покровительством Германского императора и Римского Папы.

Масса немецких безземельных дворян, устремившихся на Восток, составили основу рыцарского войска крестоносцев, а крестьяне-колонисты, могли быть легко мобилизованы в пешее ополчение. Все эти силы были, в отличие от феодальных ополчений Западной Европы, великолепно организованы и дисциплинированы. В отличие от рыцарей Франции и или Германии, каждый из которых был самостоятельной фигурой феодального общества, тевтонские и ливонские рыцари были прежде всего частью единой военно-политической и религиозной организации, они прибывали на Балтику, уже оторвавшись от старых социальных связей, и теперь находились в состоянии постоянной мобилизационной готовности. Что относилось в значительной мере и к колонистам.

Тевтонский орден имел регулярный флот на Балтике и речные флотилии, большие арсеналы осадных орудий, изготовленных по древним римским и азиатским образцам. И стоило появиться в Европе огнестрельной артиллерии, как уже в 1328 году она была поставлена тевтонскими рыцарями на вооружение.

К тому же тевтонские рыцари были не только мощной военной силой, но и преуспевающей хозяйственной организацией. Тысячи немецких колонистов, захватив земли пруссов, организовали там собственные процветающие деревни, в то время как выжившая часть коренного населения, доведенная до полурабского состояния, обеспечивала достаток помещиков. Грозные и богобоязненные рыцари не чурались, впрочем, и торговли. «Орден богател одновременно со своими подданными и одинаковыми с ними способами. Представляя собой крупного потребителя и крупного производителя, он в то же время был торговым домом с очень обширными коммерческими связями»⁵⁹. В каждом территориальном подразделении Ордена был свой торговый уполномоченный — Schaeffer. Главный или «Великий Schaeffer» состоял при гроссмейстере Ордена в качестве своего рода министра торговли. Даже во время войн торговля не прерывалась — орденские делегации закупали меха в Новгороде в то самое время, когда русские и немецкие воины сходились на поле битвы. Не удивительно, что города, выступавшие центрами торговли и рынками для сельскохозяйственной продукции, бурно развивались. В середине XIV века группа рыцарей, приехавших из Меца, насчитала в Пруссии 3007 городов. На самом деле большая часть этих городов была скорее поселками и укрепленными деревнями, занятыми более сельским хо-

⁵⁹ Э. Лависс. Цит. соч., с. 140.

зяйством, чем торговлей и ремеслом. Но сами эти деревни во многом не уступали небольшим городам на франко-германской границе.

Немцы и датчане заняли все удобные места на Балтике, возведя там не только портовые сооружения, но и крепкие каменные крепости. Самостоятельная морская торговля новгородцев теряла всякий смысл. Можно было только вести товар речными ладьями до Ревеля, Нарвы, шведского Выборга или в лучшем случае до Риги и сдавать немецким перекупщикам. Немцам доставались и основные прибыли от продажи товара на Западе.

Тем не менее остававшаяся в руках новгородцев территория в устье Невы сохраняла и для русских, и для немцев стратегическое значение. Тот, кто контролировал это место, мог контролировать и судоходство. Можно было бы брать пошлину с каждого проходящего русского или немецкого судна (о чем с гордостью сообщал своему парламенту Густав II Адольф, когда 400 лет спустя, все-таки установил шведскую власть на данной территории).

Это прекрасно понимали и немцы, и русские. Любопытно, что Нестеренко буквально проходит мимо разгадки, когда восторженно рассказывает про то, как шведы обещали немцам сохранить свободную торговлю на Балтике, приводя этот факт как доказательство шведского миролюбия. Вся дальнейшая история шведской империи показывает, что дело обстояло совершенно наоборот. Если бы немецкие купцы не сознавали нависшей угрозы, они не стали бы требовать гарантий у шведских правителей.

Вот почему незначительные по масштабу стычки, которые здесь происходили неоднократно, заняли в летописях достойное место, не пропорционально масштабам боевых действий.

Невское «сражение» 1240 произошло в тот момент, когда шведы высадили небольшой отряд, который либо строил на берегу Невы военно-торговый опорный пункт, либо всего лишь разведывал место для такого строительства. Это была привычная шведская тактика — построив замок, передвинуть на несколько километров фактическую границу и получить контроль над стратегически важной местностью. Точно так шведы, основав в 1475 году замок Олафсборг (Olafsborg), ныне известный как Савонлинна (Savonlinna), вытеснили новгородцев в XV веке из Западной Карелии. Уже после Невской битвы шведы в тех же местах все-таки сумели построить форт — Ландскрону. Но вскоре его срыли до основания новгородцы. В случае с Александром все произошло еще быстрее. Княжеская дружина напала на шведский отряд и прогнала его из лагеря еще до того, как он успел что-то построить.

Как справедливо замечает Нестеренко, позднейшие русские и советские историки не могли объяснить, почему шведы вместо того, чтобы идти на Новгород, стояли на месте. Но сам толком объяснить этого тоже

не может, ограничиваясь замечанием, что здесь была стоянка шведских купцов. Напомним, однако, что аналогичная немецкая торговая стоянка незадолго до того превратилась в крепость и порт Ригу.

Шведы стояли на месте потому, что идти им было некуда и незачем. Никто не собирался завоевывать ни Новгород, ни тем более Русь. Но если бы Александр не проявил бдительность и дал шведам закрепиться, убытки как Новгорода, так и немецких купцов были бы немалыми. Именно поэтому малозначительный в военном отношении эпизод на Неве воспринимается новгородской хроникой как важная победа. А это, в свою очередь, заставляет преувеличить и масштабы битвы. Средневековое сознание не могло признать Александра героем просто за зоркую охрану государственной границы. Требовалось что-то более весомое.

Не удивительно и молчание шведских хроник — все-таки речь не идет о серьезном поражении. Никто из видных военачальников в стычке не участвовал. Да и завершилась она не разгромом, а организованным отступлением. Шведы прорубили русскую границу, обнаружили, что она хорошо охраняется, и отошли. Тактическая операция, не получившая стратегического развития.

Точно так же и в борьбе с немцами главная заслуга Александра состояла не в разгроме Ордена во время Ледового побоища, а в том, что вытеснив орденский гарнизон из Пскова и сменив администрацию княжества, он установил окончательную линию границы, которая, несмотря на все последующие столкновения, просуществовала вплоть до Смуты XVII века. Причем самым главным достижением было даже не освобождение Пскова, не слишком активно оборонявшегося, а уничтожение крепости Копорье на подступах к Неве. В XVII веке Копорье вошло в систему крепостей, прикрывавших все тот же выход из Невы в Балтику. Целью военных действий во всех случаях было обеспечение свободы для новгородского судоходства на Неве. В этой борьбе Новгород действительно защищался. Только не от захватчиков, а от конкурентов. И князь Александр оказал торговому городу очень важные услуги. И отстоял он не независимость Руси, а доходы новгородского купечества.

Для воинов Средних веков, впрочем, причина войны была не так важна, как слава. А для завоевания славы масштабы выигранных им сражений были явно недостаточны, так что пришлось преувеличивать численность врагов и размах битв. Чем, впрочем, грешили все военные историки и репортеры от Античности до наших дней. Для Нового времени с его национальной идеей воинской славы — добытой даже в крупном сражении — было уже недостаточно. Так, пограничный торговый конфликт превратился в защиту страны от вражеского нашествия, борьба за свободу торговли — в битву за независимость родины. Хотя независимость к середине XIII века как раз и была утрачена. На Руси го-

сподствовали татары, а герой всех российских патриотов, святой князь Александр был их верным слугой — именно он добился признания новгородцами вассальной зависимости от хана Золотой Орды.

После нескольких десятилетий соперничества Новгород превратился в торгового партнера Ганзы и мирного соседа Ордена. Если XIII век был временем постоянных военных столкновений новгородцев с немцами, датчанами и шведами, то в XIV веке отношения с соседями у русской северной республики стали вполне мирными и, несмотря на некоторые мелкие конфликты, оставались таковыми вплоть до самого завоевания Новгорода великим князем Иваном III Московским.

Основными противниками тевтонских рыцарей в XIV–XV веках оказались не новгородцы, а Литва и Польша. Польское королевство, некогда опрометчиво пригласившее немецких рыцарей для Крестового похода против пруссов, оказалось вовлечено в двухсотлетний конфликт со своими бывшими союзниками, который смогло выиграть лишь объединившись с Литвой.

РОЖДЕНИЕ НОВОГО ПОРЯДКА

Экономический рост Европы поддерживается не только развитием технологий, но и увеличением доступных ресурсов. Серебряные рудники Богемии обеспечивают потребность Германии и других стран в полноценной монете. Натуральное хозяйство постепенно уступает место торговому обмену. У государства появляется возможность содержать не только постоянные боевые отряды, численность которых, первоначально в мирное время незначительная, понемногу растет, но и все большее число бюрократов.

Бюрократия и армия — две основы государства. Однако история армий изучена значительно лучше, нежели история бюрократии. Начиная с Макса Вебера бюрократию рассматривают как неизменный механизм, построенный по единому рациональному принципу, как будто она была неизменна на протяжении столетий. В лучшем случае рассматривают культурно-географические различия (чем отличается английская *civil service* от русского чиновничества или от американских «федералов»). Между тем в Европе позднего Средневековья идет сложный и не всегда успешный поиск новой модели управления, который далеко не сразу привел к возникновению государственного аппарата современного типа.

Первым образцом европейской бюрократии была католическая церковь, организованная вокруг единого духовно-политического центра в Риме⁶⁰. Однако в XII–XIII веке короли не только начинали перенимать

⁶⁰ О церкви как прообразе централизованной имперской администрации см.: *The Political Economy of Merchant Empires*. Ed. by J.D. Tracy. Cambridge: Cambridge University Press, 1991, p. 124.

опыт Церкви (в том числе назначая священнослужителей на ключевые правительственные должности), но и пытались выработать собственную культуру управления, причем далеко не всегда успешно.

Преобразование государства идет наиболее динамично в Англии, где столкновения королевской власти с феодальной знатью заканчиваются созданием новых политических институтов. Историки, опирающиеся на французский опыт в качестве своего рода нормы, характерной для средневековой Европы в целом, обращают внимание на союз городов с королевской властью как на основу, благодаря которой «феодалная раздробленность» сменилась централизованным государством. Между тем в Англии XIII века богатые города объединились с баронами в борьбе против короля (а во Фландрии они позднее боролись одновременно и против феодалов, и против королевской власти). В борьбе за свои права и вольности растущая городская буржуазия вступала в союз с теми, кто был готов на данный момент предложить более выгодные условия. Специфика Англии, однако, состоит не в особой, отличающейся, например, от Франции, комбинации общественных сил, а в том, что итоги этой борьбы каждый раз закреплялись институциональным компромиссом и взаимными обязательствами сторон. Первой победой такого рода стала Великая хартия вольностей (*Magna Charta Libertatum*), которую принудили подписать неудачливого короля Джона (Иоанна Безземельного) в 1215 году. Однако принятие Хартии было не завершением, а лишь началом конфликта, вылившегося в открытую гражданскую войну. Новые шаги по преобразованию английского государства были предприняты в середине XIII века Симоном де Монфором (*Simon de Montfort*). И хотя по объективным причинам его реформы не могли выйти за пределы средневековой сословной системы, именно он положил начало эволюции английских институтов, которые позднее предопределили политическую специфику островного королевства. Показательно, что войдя в историю в качестве основателя английского парламента, Симон де Монфор начал с попыток укрепления централизованной администрации. Причем не собственно в Англии, а во французских владениях Плантагенетов. «Средневековая Англия..., — пишет британский историк, — не была островом: Нормандия и Гасконь были к Лондону ближе, чем Уэльс и Шотландия»⁶¹.

У британских историков-вигов с Симоном де Монфором большая проблема: «основатель английской свободы» был иностранцем. Разумеется, его можно представить как «иммигранта», переселившегося из Франции и ставшего, как это часто бывает с иммигрантами, патриотом своей новой Родины. Однако в реальности Симон де Монфор был при-

⁶¹ *B. Simms. Three Victories and a Defeat. The Rise and Fall of the First British Empire, 1714–1783. N.Y.: Basic Books, 2007, p. 10.*

вязан к Англии ничуть не более, чем к Франции. Он вообще служил не Англии и не Франции, а династическому государству Плантагенетов, где Гасконь была не менее органичной частью, чем Йоркшир. Собственно и его конфликт с королевской властью начался с того, что будучи представителем центра в Гаскони, пытаясь унять своеволие феодалов и навести порядок в городах, он не только не получил ожидаемой поддержки из Лондона, но и был, по существу, предан двором. Именно верность династическому государству предопределила в конечном счете крушение де Монфора. Став фактическим диктатором Англии, он не решился посягнуть на монархию, с которой отчаянно боролся. И дело не только в том, что, будучи человеком Средневековья, он не мог представить себе крупного государства иначе как монархическим, но и в том, что даже смена династии — явление далеко не редкое в тогдашней Европе — была для него невозможна: вместе с Плантагенетами исчезало бы само государство, которому он служил.

Реформа государства не в последнюю очередь оказалась реформой финансового управления. Главное, чего требовала буржуазия растущих городов от монархии, был контроль над налогами и расходами правительства. Именно эта функция для средневековых парламентов была важнейшей. И этого же требовали сто лет спустя французские реформаторы, пытавшиеся поставить под контроль выборных представителей сословий административную и финансовую деятельность парижского двора.

Если развитие денежной экономики позволяло королям создавать на платной основе собственный управленческий аппарат, то, в свою очередь, потребность казны в деньгах видоизменяла жизнь и городов, и деревни. Разделение труда между ними вновь становится движущей силой хозяйственного развития, способствуя технологическим новациям и распространению денег. В советском учебнике по истории Средних веков, изданном в 1960-е годы, внимание детей неизменно привлекала картинка, призванная иллюстрировать раздел о «натуральном хозяйстве»: в сельской кузнице рыцарь примеривал только что изготовленные блестящие латы. Доспехи рыцаря были изображены в соответствии с образцами XV века. Изготовить столь сложное изделие в сельской кузнице, занимавшейся производством подков и ремонтом простейшего сельскохозяйственного инвентаря, было совершенно невозможно. Даже качественную кольчугу могли сделать только специализирующиеся на этой работе профессионалы. Примитивные доспехи, изготавливавшиеся «домашним способом», представляли собой ряды металлических пластинок, нашитых на ткань. Но к XIII веку такое вооружение не давало рыцарю ни надежной защиты, ни даже превосходства над пешими ополченцами.

В конце XIII века итальянский автор Гальвано Фьямма (Galvano Fiamma) хвастался, что Милан «снабжает оружием все города Италии и

вывозит его даже к татарам и сарацинам»⁶². Такое производство требовало развитой технологии и профессиональной специализации. «В миланских мастерских XV века, — пишет английский историк, — мы находим специализацию, не уступающей таковой на современных поточных линиях массового производства товаров. Каждый из работавших в Милане ремесленников был занят исключительно изготовлением какой-то одной определенной части доспехов. Действительно, маловероятно, что когда-либо было такое время, что один человек мог изготовить доспехи целиком — от начала до конца. Так же невероятно, чтобы один человек в наше время сделал автомобиль от начала до конца»⁶³.

Итальянские мастера экспортировали значительную часть своей продукции. Феодалы из разных частей Европы отправляли миланским мастерам свои мерки, по которым мастера подгоняли латы так же, как портные подгоняют костюмы. Те, кто не мог приехать на примерку, посылали образцы одежды или даже восковые манекены. Рыцари победнее довольствовались готовыми изделиями *pret-au-porté*, которые могли подогнать местные умельцы, либо обращались к мастерам из ближнего города. Но и это стоило недешево. А, например, в Англии до 1519 года вообще не было мастерских, способных изготовить полный комплект рыцарских доспехов. Речь идет о своего рода «высокой технологии», доступной далеко не всем странам. Разумеется, латы местными умельцами все же изготовлялись. Британский историк иронически замечает, что «иностранные оружейники копировали итальянские и немецкие образцы — подобно тому, как сейчас изготовители одежды по всему миру копируют парижские модели»⁶⁴. Лондонская компания оружейников с XIV века пыталась соперничать с итальянцами, только ничего не получалось. Ограничивалось дело либо производством низкосортного вооружения, либо подгонкой, ремонтом и изготовлением отдельных компонентов. Немногим лучше обстояло дело в Испании и Франции, а в Скандинавских странах не было даже этого. В Россию тяжелые кавалерийские доспехи тоже завозились из Германии в небольших количествах, хотя во время битвы между москвичами и новгородцами на реке Шелони последние были облачены в диковинные для Руси пластинчатые латы, в которых, однако, воевать не умели.

Усовершенствование замков диктовало необходимость развития архитектуры, причем не только фортификационной — феодалы стремились к

⁶² Цит. по: Э. *Oakeshott*. Рыцарь и его доспехи. М.: Центрполиграф, 2007, с. 22 (англ. изд. *E. Oakeshott. A Knight and his Armour*. London: Lutterworth Press, 1961).

⁶³ Там же (*Ibid.*, 22–23).

⁶⁴ *S. Blair. European Armour*. London: B.T. Batsford Ltd., 1958, p. 107 (рус. изд. *К. Блэр. Рыцарские доспехи Европы*. М.: Центрполиграф, 2006, с. 115).

большему комфорту, перестраивая свои резиденции. Продолжается рост потребления, накопление богатства, растет спрос на предметы роскоши.

Ведение дел становится более сложным: надо поддерживать переписку, работать над расходными книгами. Появляется целый штат прислуги, помощников, специалистов и администраторов⁶⁵. Нередко владетельные сеньоры, испытывая потребность в деньгах, сами нанимались на роль советников и администраторов к феодалам покрупнее (особенно типично это было для церковных деятелей).

Города богатеют. В XII веке предпринимаются первые, пока еще не очень успешные попытки улучшения сухопутных дорог, которым, во всяком случае, теперь уделяют куда больше внимания. Применительно к Ломбардии, Венецианской республике и Тоскане можно, по мнению итальянского экономического историка, говорить об «определенном успехе» этих усилий в связи с необходимостью организовать вывоз местных товаров в соседние европейские регионы⁶⁶. Речной и морской транспорт были гораздо более удобны для перевозки крупных грузов, но последний требовал постоянной военной защиты, именно поэтому коммерческая и военно-морская мощь таких государств, как Венеция и Генуя или Немецкая Ганза идут рука об руку (тогда как торговое значение Новгорода, не имевшего собственного военного флота, снижается).

С конца XIII века по Европе распространяется новый архитектурный стиль — французская готика. Мастера возводят грандиозные соборы, поражающие соединением изящества и монументальности. Как и всякий долгосрочный проект, сооружение собора требует четкой организации и планирования, в том числе и финансового. В городах предпринимаются первые, пока еще довольно робкие попытки коммунального благоустройства: деревянные мосты сменяются каменными, улицы становятся мощеными.

В общем Запад демонстрирует картину экономического, социального и культурного прогресса. Но внезапно наступает кризис, решительным образом все изменивший.

⁶⁵ Позднефеодалная Европа демонстрирует разделение интеллектуального труда на два вида — бюрократический и собственно интеллектуальный. В Китае различия между этими группами не было. У греков и ранних римлян на ранних этапах истории не было бюрократии (общественная служба выступала как гражданская обязанность, давая почет и возможность влияния). В Западной Европе университеты готовили кадры как для бюрократии, так и для интеллектуальной деятельности. Но их разделение (предопределившее само становление автономной по отношению к власти университетской системы) порождено разделением полномочий между светской и церковной властью. Причем интеллектуал, как общественно значимый тип, появляется не в одной из этих систем, а за счет возникновения зазора между ними.

⁶⁶ См.: G. Luzzatto. *Storia economica d'Italia. Il Medioevo*. Firenze: G.C. Sansoni Editore, 1963, p. 211.

Научное издание
Серия «Политическая теория»

БОРИС КАГАРЛИЦКИЙ
ОТ ИМПЕРИЙ —
К ИМПЕРИАЛИЗМУ.
ГОСУДАРСТВО И ВОЗНИКНОВЕНИЕ
БУРЖУАЗНОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ

Главный редактор
ВАЛЕРИЙ АНАШВИЛИ
Заведующая книжной редакцией
ЕЛЕНА БЕРЕЖНОВА
Художник
ВАЛЕРИЙ КОРШУНОВ
Верстка
ОЛЬГА ИВАНОВА
Корректор
НАТАЛИЯ ДМУХОВСКАЯ

ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ВЫСШАЯ ШКОЛА ЭКОНОМИКИ
125319, Москва, Кочновский проезд, д. 3
Тел./факс: (495) 772-95-71

Подписано в печать 15.09.2010. Формат 70×100/16
Гарнитура Minion Pro. Усл. печ. л. 55,25. Уч.-изд. л. 43,50
Печать офсетная. Тираж 1000 экз.
Изд. № 1213. Заказ №

Отпечатано в ГУП ППП
«Типография “Наука”»
121099, Москва,
Шубинский пер., 6